

Киргизия и Россия: безопасность, сотрудничество и перспективы развития в центральноазиатском контексте

*Князев Александр Алексеевич, д.и.н.,
профессор Киргизско-Российского
Славянского университета
Настоящий доклад был представлен на
семинаре в Фонде «Наследие Евразии» 4
марта в рамках проекта «Новые
независимые государства в Центральной
Азии: политические аспекты глобализации
и международного партнерства».*

Общие оценки

В глобальной плоскости источником угроз для Киргизии, как и для всех новых государств региона, является процесс формирования нового мирового порядка и новой геополитической конфигурации, происходящий передел сфер влияния и возрастание конкуренции мировых центров силы.

В региональной плоскости важным дестабилизирующим фактором является перманентно кризисная социально-политическая и социально-экономическая ситуация (а также осознание частью населения и деструктивными силами того факта, что с помощью силового давления можно добиться доступа к государственной власти. Ярким примером является антиконституционный переворот 24 марта 2005 г.). Не соответствующие реалиям политические и экономические преобразования постсоветского периода привели к обнищанию основной массы населения республики, что, помимо иного, является одной из основных причин активизации деятельности ряда экстремистских и террористических организаций.

Во внутригосударственной плоскости вероятными причинами возникновения войн и вооруженных конфликтов могут стать следующие.

1. Межэтнические проблемы, обусловленные несоответствием существующих границ реальному национально-территориальному размещению населения. В Киргизии, как и во всех государствах региона, существуют значительные по численности диаспоры этнических представителей сопредельных стран. При этом этнические диаспоры сосредоточены главным образом в приграничных районах.

2. Сепаратизм на социально-экономической почве. Более низкий по сравнению с соседними государствами (Казахстан, Узбекистан) жизненный уровень может породить стремление национальных меньшинств в приграничных районах к территориальному воссоединению с этнической родиной или сепаратизм.

3. Сепаратизм вследствие ущемления прав национальных меньшинств (применительно к Киргизии это относится в основном к узбекской этнической общине).

4. Сепаратизм из-за географической разобщенности территорий внутри государств региона. В частности, Ошская и Джалал-Абадская области Киргизии отделены Ферганским хребтом от остальной части страны. Их территориально-экономическая обособленность усиливается этническим фактором.

5. Борьба за власть между различными политическими силами, имеющая потенциал перерастания в вооруженный конфликт.

Имеющиеся экономические, человеческие, военные и иные ресурсы не позволяют Киргизии эффективно противодействовать всему спектру угроз безопасности и угроз военного характера.

Военная безопасность, вооруженные силы

Вооруженные силы Киргизии были сформированы на базе частей и подразделений Среднеазиатского военного округа, дислоцированных на территории республики на момент распада СССР. При этом организационно-штатная структура соединений и частей в целом не претерпела принципиальных изменений. Вооруженные силы включают в свой состав органы политического и военного управления, соединения, части и учреждения Министерства обороны, внутренних войск Министерства внутренних дел, Государственного комитета национальной безопасности (ГКНБ), Министерства чрезвычайных ситуаций, Национальной гвардии, Службы государственной охраны, Пограничной службы и органов военной юстиции Министерства юстиции. Ядром современной киргизской армии являются образованные в 1998 г. на основе бывшей 8-й гвардейской Панфиловской дивизии Балыкчинская, Кой-Ташская и Ошская бригады.

Комплектация личного состава всех частей и подразделений вооруженных сил производится на основе всеобщей воинской обязанности и на контрактной основе. Отток из Киргизии офицеров бывшей Советской армии в начале 1990-х гг. актуализировал проблему подготовки командных кадров. Для ее решения были созданы Киргизский государственный национальный военный лицей и Бишкекское высшее военное училище (готовит офицеров по общевоинским специальностям и технический состав для ВВС), созданное на базе бывших 5-летних курсов МО СССР, а также на высших курсах ГКНБ национальной безопасности. В 1997 г. была открыта школа прапорщиков. Подготовка по программе офицеров запаса проводится на военных кафедрах ряда гражданских вузов. Подготовка военных кадров осуществляется также на базах зарубежных учебных заведений на основе

межправительственных соглашений с Россией, Казахстаном, США, Турцией, Германией, Китаем, Индией, Францией, Великобританией, Азербайджаном. Основная часть военных кадров обучается в России и Казахстане.

Киргизия — маленькая бедная страна,[1] расположенная на стыке геополитических и геостратегических интересов трех сверхдержав — Китая, России и США. Как и соседний Таджикистан, Киргизия является страной, которая не имеет влияния на глобальные процессы и которая на протяжении постсоветского времени решает проблемы строительства своей государственности в основном за счет внешних доноров.

Это же замечание относится и к такой сфере, как обеспечение национальной безопасности во всех его аспектах. Экономические, демографические и военные возможности Киргизии не позволяют симметрично реагировать на возможные военные угрозы. Какие бы вооруженные силы не были созданы, они не будут сопоставимы с вооруженными силами любого потенциального или даже гипотетического государства-агрессора. Любая война, в которую может быть втянута Киргизия, будет войной с противником, многократно превосходящим ее вооруженные силы по любым количественным и качественным параметрам, что делает бессмысленными попытки самостоятельно отразить агрессию и удержать территорию. В этих условиях военная безопасность республики может обеспечиваться лишь основываясь на комплексе договорных гарантий и участия в тех или иных военно-политических блоках или союзах. Понимание неспособности самостоятельно обеспечивать военную безопасность республики с первых дней существования обусловило лояльное отношение руководства Киргизии ко всем основным постсоветским оборонным объединительным инициативам, в частности — к ДКБ СНГ 1992 г. На протяжении 1990-х — начала 2000-х гг. Киргизия принимала участие в работе данного договора вплоть до прекращения его действия. В частности, батальон МО Киргизии

в составе КМС СНГ в Таджикистане был дислоцирован в Ишкашме и выполнял в целом возложенные на него задачи, хотя его боеспособность и не была полноценной в силу хронического недофинансирования. Некоторый всплеск активности в рамках ДКБ СНГ был связан с событиями в Баткенском регионе Киргизии в 1999 г., хотя в целом союзнические отношения ограничились политической поддержкой и рядом военно-технических поставок из России, Белоруссии, Армении и Казахстана. В 2000 г. Киргизия стала участницей Антитеррористического центра СНГ (АТЦ СНГ), Центральноазиатское отделение которого было размещено в Бишкеке. В мае 2001 г. Киргизия вошла также в Ереванское соглашение о создании коллективных сил быстрого развертывания (КСБР), региональный штаб которых также был размещен в киргизской столице.

Военная политика в течение первых лет независимости республики явно не была в числе главных приоритетов ее руководства. Киргизская армия не имела ни концепции своего развития, ни достаточных средств,[2] разработка военной доктрины и по настоящее время представляет собой скорее простую сумму аналитических фрагментов (формально утверждена решением Совета безопасности КР в марте 2002 г.). Хронический недостаток средств был одной из причин развития взаимодействия в военной сфере с НАТО.

В декабре 1992 г. Киргизия присоединилась к Совету североатлантического сотрудничества (30 мая 1997 г. преобразован в Совет Евро-Атлантического партнерства, СЕАП). Этот механизм был введен вместо планировавшегося межблокового соглашения между НАТО и Организацией Варшавского договора. Рамочный документ Программы НАТО «Партнерство ради мира» (ПРМ) был подписан киргизской стороной 1 июня 1994 г. Весь комплекс реализуемых в Киргизии мер по Программе «Партнерство ради мира» составляет на сегодня «Рабочую программу партнерства», которая регулярно

обновляется каждые два года и охватывает в рамках «Индивидуальной программы партнерства» конкретные мероприятия: учения, курсы, семинары, симпозиумы, конференции, тренинги и другие формы обучения, а также обмен опытом. В рамках программы ПРМ Киргизия развивает отношения со странами блока по таким направлениям, как обучение в сфере миротворческих, поисково-спасательных и гуманитарных операций, планирования и действий при чрезвычайных ситуациях, экологии и науки, а также формирования военно-гражданских отношений. Республика постепенно втягивается в сферу деятельности блока, все чаще участвует в проводимых совместных мероприятиях. С лета 1995 г. подразделения киргизских ВС участвуют в маневрах НАТО по осуществлению миротворческих операций, в учениях Центразбата при участии НАТО на территории Киргизии, Казахстана и Узбекистана. В марте 2001 г. в Киргизии в рамках программы ПРМ были проведены учения с участием военнослужащих НАТО. В январе 2003 г. началась реализация международного проекта «Виртуальный Шелковый путь» по доступу научных и образовательных учреждений Кыргызской Республики в европейские научные сети и подключению к высокоскоростной сети Интернет. Данный проект направлен на поддержку академических сообществ стран Центральной Азии и Кавказа и обеспечивает доступ к информационным ресурсам стран НАТО. В 2007 г. запущен процесс полноценного вхождения Киргизии в программу ПРМ, начата подготовка миротворческих подразделений для участия в соответствующих натовских программах. 12 марта 2007 г. Киргизия присоединилась к натовской программе «Процесс анализа и планирования» (PARP), что предусматривает расширение военно-технического сотрудничества с НАТО, а также позволяет принимать участие в миротворческих миссиях и мероприятиях НАТО в зонах вооруженных конфликтов.

Помимо США наибольшую активность в отношении Киргизии в рамках НАТО и по линии двусторонних военных связей проявляют Германия и Турция. На посольство ФРГ в Бишкеке возложена роль координатора вопросов деятельности НАТО в Киргизии.

14 мая 2002 г., в г. Москве главами государств-членов на юбилейной сессии Совета коллективной безопасности ДКБ было принято решение о преобразовании Договора о коллективной безопасности в международную региональную организацию, позже известную как Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

28 июня 2002 г. министр обороны Киргизстана Эсен Топоев сделал первое публичное заявление о том, что на военном аэродроме «Кант», расположенном в 14 км от Бишкека, будет размещена авиационная компонента КСБР (Коллективные силы быстрого реагирования стран участниц ОДКБ). Решение о размещении авиации КСБР на аэродроме в Канте было принято в связи с тем, что штаб этих сил размещается в Бишкеке, отсюда вытекала и целесообразность размещения военно-воздушной базы КСБР рядом.[3]

Планировавшийся состав авиационной компоненты КСБР (авиабаза «Кант»):

Тип авиационной техники	от ВВС РФ	от МО КР
истребитель-перехватчик Су-27	5	
штурмовик Су-25	7	
военно-транспортный самолет Ил-76	2	
военно-транспортный самолет Ан-26	1	1
учебно-тренировочный Л-39	1	4
многоцелевой вертолет Ми-8		2

В состав авиагруппы были включены учебно-тренировочные самолеты Л-39 киргизских ВС, с помощью которых обычно поддерживается квалификация летного состава в местах постоянной дислокации. В целом группировка позволяет решать довольно широкий спектр боевых задач. Пять истребителей Су-27 могут обеспечитькрытие от ударов с воздуха Бишкека, перехват целей в воздушном пространстве Киргизии, Таджикистана и частично Афганистана, сопровождение транспортных самолетов, осуществляющих переброску важных грузов. Технические характеристики Су-27 позволяют им летать почти над всей территорией Афганистана, значительной частью Пакистана и даже достигать северных районов Индии и северо-западных провинций Китая. Пять штурмовиков Су-25 могут обеспечивать нанесение ударов по целям, расположенным в радиусе примерно 300 км от аэродрома Кант. Возможность же взаимодействия развращаемой базы с уже существующей российской базой в Душанбе позволяет ВВС России перекрывать практически все опасные в военном отношении районы Киргизии, Таджикистана, Узбекистана и Казахстана. Пары самолетов Ил-76, а также Ан-26 и вертолетов Ми-8 киргизских ВС способны обеспечивать транспортное обслуживание группировки, а также решение поисково-спасательных задач. С военной точки зрения выбор аэродрома в Канте также был не случаен. Его расположение дает возможность усиливать группировку без промежуточных посадок на аэродромах других центральноазиатских государств СНГ.[4]

23 октября 2003 г. президент РФ и Верховный главнокомандующий российской армии Владимир Путин открыл российскую военную базу в Канте. Открытие авиабазы создало важный прецедент в межгосударственных отношениях в рамках СНГ. База в Канте стала первым российским военным объектом, развернутым за пределами ее национальной территории, со времени распада СССР.[5]

Публичная реакция американской администрации на открытие российской военной базы в Киргизии была достаточно сдержанной, однако это, скорее всего, свидетельствовало об изменении общего подхода американской администрации к России. В любом случае, создание базы в Канте в Вашингтоне было сразу расценено как попытка России вернуть позиции в системе контроля воздушного пространства в Центральной Азии.

В день открытия авиабазы в Канте, 23 октября, в Бишкеке было подписано и двустороннее соглашение о порядке взаимодействия при экспорте продукции военного назначения в третьи страны. России приходилось сотрудничать с Киргизией в военно-технической сфере на фоне все большей диверсификации отношений Бишкека в этом направлении с другими странами.[6]

В высокой степени диверсифицировано и военное сотрудничество Киргизии в целом. Республика является единственной страной в мире, на территории которой в непосредственной близости находятся военные объекты России и США.

24 сентября 2001 г. стало известно о том, что США обратились к Киргизии с просьбой предоставить воздушное пространство для проведения операции в Афганистане, на что после продолжительных консультаций с лидерами стран ДКБ СНГ «получили положительный ответ».[7] 11 декабря 2001 г. верхняя палата киргизского парламента одобрила решение правительства предоставить ВВС США международный аэропорт «Манас».[8] Решение о предоставлении аэропорта для военной техники США было согласовано с партнерами Киргизии по ДКБ и ШОС. Речь шла о размещении примерно 40 самолетов и 4000 военнослужащих, которые начали прибывать в республику с середины декабря. В первых числах января 2002 г. началось уже полномасштабное создание на территории Киргизии военной американской авиабазы. Правовой основой для размещения иностранных войск в республике стало межправительственное соглашение, включающее в себя ноту

посольства США и ответ на нее МИД КР.[9] В начале мая 2003 г. руководство авиабазы подписало с правительством республики договор об аренде дополнительного участка земли для размещения оборудования и техники.

Знаковым событием, изменившим характер киргизско-американского сотрудничества в военной сфере стало открытие военной авиабазы Кант (КСБР ОДКБ). В Киргизии возникла уникальная ситуация, когда на территории одной страны (и даже в непосредственной близости друг от друга) базируются вооруженные контингенты двух взаимоисключающих военно-политических альянсов (или двух стран, являющихся, как минимум, геополитическими конкурентами). Реализация американских стратегий требовала гарантий б?льших, нежели сбалансированная политика Аскара Акаева. Бедная и открытая Киргизия лучше всего подходила для роли форпоста американских интересов в регионе, этому должны были способствовать удобное географическое положение, незначительность необходимых финансовых вложений, открытость западному влиянию и слабость местной власти. Полная управляемость Киргизией со стороны США должна была гарантировать достижение целого ряда геополитических целей. Открытие альтернативного объекта такие гарантии ставило под сомнение.

В ноябре-декабре 2004 г. шли закрытые киргизско-американские переговоры, в ходе которых американцы пытались добиться согласия на размещение в аэропорту «Манас» самолетов Е-3А системы АВАКС, а заодно и согласия киргизской стороны на проведение ими регулярных разведывательных полетов вдоль границы с Китаем. С большим трудом киргизской стороне удалось тогда отказаться от настойчивых предложений США, а уже в новом парламенте президент собирался инициировать принятие решения о выводе базы США с территории республики.[10]

Произошедшая в марте 2005 г. смена правящего режима в Киргизии вкупе с изменившейся геополитической обстановкой в регионе внесли серьезные коррективы в характер киргизско-американских отношений по этой тематике.

5-6 июля в Астане прошел саммит Шанхайской организации сотрудничества, в итоговой декларации которого был поднят вопрос о сроках пребывания в Центральной Азии военных баз «международной антитеррористической коалиции» — то есть, по сути, США и НАТО: «Ряд стран ШОС предоставил свою наземную инфраструктуру для временного размещения военных контингентов государств-участников коалиции, а также свою территорию и воздушное пространство для военного транзита в интересах антитеррористической операции. Учитывая завершение активной военной фазы антитеррористической операции в Афганистане, государства-члены Шанхайской организации сотрудничества считают необходимым, чтобы соответствующие участники антитеррористической коалиции определились с конечными сроками временного использования упомянутых объектов инфраструктуры и пребывания военных контингентов на территориях стран-членов ШОС».[11]

11 июля президент Киргизии Бакиев заявил, что руководство республики рассмотрит вопрос о целесообразности пребывания на своей территории военной авиабазы США, «когда и как будет рассматриваться вопрос о сроках пребывания американских авиабаз в регионе, подскажет время», — сказал Бакиев. А в министерстве иностранных дел Киргизии сообщили, что вывод американских военных сил с территории республики может осуществляться в течение полугода.[12] Позиция Киргизии, таким образом, была обозначена вроде бы достаточно четко.

Однако 25 июля с визитом в Бишкек прибыл министр обороны США Дональд Рамсфельд. Главным вопросом его переговоров в Бишкеке была судьба военной базы США. После переговоров Рамсфельда с Бакиевым и министром обороны

Исаковым было принято решение о том, что военная база США может оставаться в Киргизии до тех пор, пока у Пентагона есть необходимость проводить антитеррористические акции на территории Афганистана. Глава Пентагона обещал пересмотреть в сторону резкого увеличения размеров оплаты за аренду базы и предоставить Киргизии беспроцентный кредит в размере 200 млн. долларов. В Бишкеке Рамсфельд выразил недоумение по поводу декларации стран-членов ШОС, глава Пентагона заявил, что «я даже не знаю, какими мотивами они руководствовались», — сказал министр обороны США.[13] «Принятый в столице Казахстана Астане документ следует понимать, скорее, как «начало диалога», — заявила по итогам визита Рамсфельда и.о. министра иностранных дел Киргизии Отунбаева. — Киргизия, очень благодарна США за их поддержку в прошедшие годы и остается в рядах антитеррористической коалиции... Присутствие американцев в Киргизии выгодно для обеих сторон, 45 миллионов долларов, поступающие ежегодно в киргизский бюджет, — это для нашей страны серьезный вклад. К этому надо добавить 25 миллионов долларов, выделяемых на заправку».[14] Позиция Киргизии, таким образом, полярно изменилась.

Дальнейшее развитие киргизско-американский диалог по размещению военной базы в аэропорту «Манас» получил в ходе визита в страны Центральной Азии госсекретаря США Кондолизы Райс.[15] В частности, госсекретарем США было получено согласие киргизской стороны на размещение в аэропорту «Манас» большей части инфраструктуры и личного состава, выводимых из Узбекистана. 11 октября было подписано «Совместное заявление Соединенных Штатов Америки и Республики Киргизстан по поводу присутствия военнослужащих США в Средней Азии», где, в частности, подчеркивалось, что «Правительство Республики Киргизстан признает важный вклад сил международной антитеррористической коалиции, дислоцированных на авиабазе Ганси, в укрепление региональной стабильности. Киргизская сторона продолжит принимать участие

в этих и других совместных усилиях международного сообщества, которое борется с современными вызовами и угрозами общей безопасности. Мы поддерживаем присутствие коалиционных сил на территории Республики Киргизстан до окончания операции по уничтожению терроризма в Афганистане — операции, поддерживаемой Организацией Объединенных Наций».[16] В конце марта — начале апреля в недрах президентской администрации созрело решение, результатом которого стало заявление президента Бакиева от 19 апреля. Выступая по государственному телевидению, президент республики предупредил, что Киргизия оставляет за собой право рассмотреть возможность выхода из двустороннего соглашения по пребыванию в столичном аэропорту «Манас» военно-воздушной базы США — в случае если переговоры не завершатся до 1 июня 2006 года. Бакиев подчеркнул, что, «урегулирование вопросов по дальнейшему пребыванию военного и гражданского персонала министерства обороны США в Киргизской Республике» затянулось по вине американской стороны.

14 июля 2006 года в Бишкеке завершились переговоры по условиям пребывания базы американских ВВС в Бишкеке. Завершились они подписанием соглашения, которое определяет новые условия на 2007 года — и то при условии их утверждения Конгрессом США. «Соединенные Штаты намереваются передать свыше 150 миллионов долларов в виде общей помощи и компенсации в течение следующего года после одобрения Конгрессом США... Решение о дальнейшем использовании авиабазы в аэропорту «Манас» должно рассматриваться в контексте более широких, крепких двусторонних отношений», говорилось в совместном заявлении. Другими словами, принципиальное решение о статусе базы оказалось попросту отложено, что скорее в интересах американской стороны, нежели официального Бишкека, стремившегося обеспечить с помощью базы устойчивый долговременный источник пополнения

бюджета. В сложной ситуации, когда США не могли отказаться от своей единственной и имеющей ключевое значение базы в регионе — с одной стороны, но не могли пойти и на уступки откровенному шантажу киргизского руководства — с другой, американской дипломатии удалось найти вполне устраивающее США решение, сохранив достоинство великой державы.

На протяжении 2006-2007 гг. вопрос о нахождении американской авиабазы на территории республики актуализировался еще несколько раз. В частности, в декабре 2006 г. парламент Киргизии принял постановление, в котором рекомендовал правительству рассмотреть вопрос о целесообразности дальнейшего нахождения американской базы на территории республики.[17] В своем постановлении парламент рекомендует кабинету министров пересмотреть условия соглашения с США по авиабазе «Манас», а также потребовать от американского правительства выдачи военнослужащего Закари Хэтфилда, участника трагического инцидента. Кроме того, депутаты потребовали предоставления отчета силовых структур КР по данному инциденту. Однако постановление не было реализовано.

Двойственный подход Киргизии к американскому военному присутствию на своей территории к настоящему времени оставляет США свободу маневра и возможность переориентироваться на поэтапное достижение своих целей в перспективе. Одновременно растет разносторонняя зависимость Киргизии от ОДКБ и ШОС.

Реальным гарантом безопасности для Киргизии, как и для всего региона, могла бы стать Шанхайская организация сотрудничества, выступающая за безусловное соблюдение принципа государственного суверенитета, что весьма актуально для центральноазиатских государств. Однако членство Киргизии в ШОС является в большей степени инерционным. Новое руководство страны не способно проводить взвешенную, продуманную и сбалансированную внешнюю политику,

основанную на реализации истинных национальных интересов. Республика стала источником региональной нестабильности, где в условиях системного кризиса, почти бесконтрольно действуют криминальные группировки, экстремистские и фундаменталистские организации, где на западные гранты ведется деятельность, направленная на дестабилизацию ситуации в соседних странах. В значительной степени это беспокоит, в частности, китайское руководство. Новое руководство Киргизии в своей внешней политике — во всех критических ситуациях, успевших возникнуть за время после мартовского переворота 2005 г. — постоянно оказывается в сложной двойственной ситуации. По сути, Киргизия в силу непоследовательности и непредсказуемости внешней политики нового руководства становится наиболее ненадежным элементом двух основных систем региональной безопасности — ШОС и ОДКБ, да и региональной подсистемы международных отношений в целом.

Пограничная безопасность

Пограничная безопасность республики до лета 1999 г. обеспечивалась присутствием Группы пограничных войск ФПС РФ. Для Киргизии это был единственно возможный в то время способ охраны киргизско-китайской границы в силу отсутствия финансовых и иных материально-технических возможностей, а также в силу отсутствия необходимого кадрового потенциала. Тем не менее, в базовом соглашении от 9 октября 1992 г. на перспективу была заложена вероятность передачи государственной границы под охрану формирующимся структурам пограничной охраны Киргизии, предусматривалось и сотрудничество в деле подготовки кадров специалистов для национальной службы пограничной охраны. 28 июля 1999 г., начался процесс передачи под охрану Главного управления пограничной охраны МО Киргизии участков ее государственной границы, завершившийся 26 августа 1999 г.[18]

Согласно межправительственным документам, подписанным 17 июля 1999 г. в Бишкеке, остающаяся в Киргизии Оперативная группа ФПС России брала на себя осуществление таких функций, как оказание помощи соответствующим структурам министерства обороны и министерства национальной безопасности Киргизии в охране государственной границы с КНР, обеспечение в пределах своих полномочий выполнения договоренностей сторон по пограничным вопросам, координация действий по охране государственной границы, изучение состояния ее охраны, участие в организации и поддержании взаимодействия между структурами пограничной охраны Киргизии с государствами, не входящими в СНГ (КНР), а также обмен информацией по вопросам, представляющим взаимный интерес. В функции ОГ ФПС РФ вошли также «разработка предложений по вопросам охраны государственной границы, оказание содействия в организации и осуществлении материально-технического обеспечения, разработка предложений по формированию нормативной правовой базы в области охраны государственной границы, а также предложений по совершенствованию применения сил и средств при ее охране и по подготовке офицерских кадров и специалистов для полномочных органов Киргизской Стороны и содействие в этом». Участие в организации и осуществлении совместных мероприятий по охране государственной границы должно было выражаться прежде всего в форме советнической деятельности.[19]

В настоящее время государственную границу Киргизии охраняет 11 пограничных отрядов (в том числе 2 отряда пограничного контроля). Сформировано около 70 пограничных застав. Функционирует около 50 пунктов пропуска.

Пограничная служба КР прошла четыре преобразования: в 1999-2002 гг. — ГУПО МО КР и ГУПК СНБ КР; в 2002-2005 гг. существовала самостоятельная Пограничная служба, в 2005-2006 гг. — Пограничные войска СНБ КР, с 2006 г. и по

настоящее время — самостоятельная Пограничная служба КР. Отсутствие профессиональных пограничных кадров позволяет на руководящие должности в пограничном ведомстве назначать офицеров армии - это в лучшем случае, а чаще — милиции, таможенной или налоговой инспекций и т.д., абсолютно незнакомых со спецификой воинской и пограничной службы. Отсюда следует и состояние охраны: она осуществляется недостаточно профессионально. На многих участках границы (со странами СНГ) чаще используется метод оперативного прикрытия границ, существует высокая потребность в наращивании физической охраны границ.

Пограничная служба КР активно взаимодействует с США в рамках программ «Финансирование военных проектов за рубежом», «Экспортный контроль и безопасность границ», «Борьба с терроризмом», участвует в программе НАТО «Партнерство ради мира». Существуют также программы сотрудничества с пограничным ведомством КНР, правительством Москвы, все эти программы носят характер донорско-реципиентских связей. По линии Международной организации по миграции действует проект по техническому оснащению пунктов пропуска. В рамках программы «Пограничные вопросы в Центральной Азии» ЕС (TACIS Vomfer, куратором выступает Австрийская Республика) обсуждается вопрос открытия филиала Полицейской академии для Центральной Азии на базе одного из пограничных отрядов и Центра подготовки служебных и специальных собак на базе питомника служебного собаководства Иссык-Кульского пограничного отряда.

Протяженность государственной границы Киргизии с сопредельными государствами составляет 4598 км. Из них с Китайской Народной Республикой - 1071,8 км; с Республикой Таджикистан — 990,6 км; с Республикой Узбекистан — 1308 км; с Республикой Казахстан — 1228,3 км.

Среди актуальных текущих задач пограничной службы — перекрытие каналов незаконного перемещения через госграницу наркотических средств, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, нелегальной миграции. Это обуславливает потребность в соответствующем оборудовании целого ряда пунктов пропуска «Бордобо» — на трассе Хорог-Ош, «Кызыл-Бель» — на трассе Баткен-Канибадам, «Ак-Жол» — на трассе Бишкек-Алма-Ата. Важными проблемами являются недостаток профессиональных кадров и отсутствие базы для их подготовки; отсутствие телекоммуникационных систем, автоматизированных систем учета и контроля; слабое материально-техническое обеспечение пограничной службы в связи с недостаточным финансированием. Все это сказывается на эффективности надежной охраны и защиты государственной границы.

Наркотрафик и «криминальная интеграция»

Присутствие криминальной составляющей в современных политических процессах в странах центральноазиатского региона не является какой-то специфической региональной характеристикой. Специфика региона в этом контексте заключается в двух основных аспектах проявления этого фактора: во-первых, это высочайшая роль клановой структуры общества и криминализация экономической сферы в целом, во-вторых — транзитный характер региона в процессе незаконного оборота наркотических веществ, производимых в Афганистане.

Киргизия и Таджикистан объединяются одной важной характеристикой: отсутствием высокодоходных и способных быть быстро продвинутыми на рынки ресурсов. Результатом этого стал тот факт, что на первоначальном этапе кланами, занявшими основные политические позиции, в качестве ресурсов для личного обогащения были избраны приватизация, изъятие в различных формах бюджетных и кредитных средств, а также элементарный рэкет. Все объекты экономики, способные давать

доход, находятся под контролем тех или иных кланов, при этом основными мотивами всей внутривнутриполитической жизни становятся возможности в перераспределении такого рода объектов. Непосредственным инструментом контроля над собственностью становятся организованные преступные сообщества, устанавливается прямая связь между политическими деятелями и криминальными авторитетами.

На самом первоначальном этапе независимого существования этот процесс более ярко проявляется в Таджикистане: в ходе поляризации сил внутритаджикского конфликта и последующего послевоенного периода целый ряд криминальных авторитетов прямо инкорпорируется в политическую систему и сферу государственного управления. В Киргизии этот процесс носит поначалу латентный и менее динамичный характер.

Решающим фактором криминализации политического класса центральноазиатских стран становятся события в соседнем Афганистане. К концу 1990-х годов процесс интеграции организованных сообществ, связанных с производством и транспортировкой на мировые рынки, а также с местным распространением, наркотиков, вступил в новую, еще более опасную, фазу. Незаконными операциями с наркотиками, так или иначе, стали заниматься практически все действовавшие в центральноазиатском регионе организованные преступные группировки. Развивался процесс интегрирования их в международную систему торговли наркотическими веществами со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Распределялись сферы влияния, шла преступная специализация — часть организованных преступных группировок специализировалась на контрабанде наркотических веществ из Афганистана, другая занималась их доставкой из Таджикистана, третья распространяла наркотики по государствам СНГ, практически по всем крупным промышленным центрам Российской Федерации. Наиболее структурно оформившиеся

организованные преступные группировки осуществляли полный цикл наркобизнеса от контрабанды наркотиков из Афганистана, через Таджикистан, Киргизстан, Узбекистан, Казахстан до конечного пункта — главным образом, регионов Российской Федерации.

В первые же годы существования независимых государств действовавший режим пограничного контроля на афганской границе режим был нарушен в связи с событиями гражданской войны в Таджикистане, а позже — и односторонней активностью Туркменистана по налаживанию взаимоотношений с талибами. Примерно в то же время начался и процесс прямого вовлечения в незаконный транзит наркотиков представителей государственных и политических структур центральноазиатских стран. Практика служебно-боевой деятельности российских пограничных структур в Таджикистане и Киргизии дает большое количество примеров такого рода вовлечения.

Говоря об официальной деятельности государств Центральной Азии по противодействию незаконному распространению наркотических веществ, произведенных в Афганистане, необходимо отметить, что эта деятельность полностью направлена на противодействие вторичным факторам. Это меры пограничного и правоохранительного контроля, это карательная практика, это работа лечебно-медицинского и профилактического характера. Происходит борьба с последствиями, а не с причинами. Активность стран Центральной Азии по восстановлению экономики Афганистана близка к нулевой, хотя обстановка на большей части приграничной территории (особенно в северо-восточных провинциях — Кундузе, Тахоре, Баглане, Бадахшане) вполне позволяет реализацию социально-экономических проектов. Важнейшим фактором участия населения в незаконном обороте наркотиков продолжает оставаться социально-экономическая ситуация в самих странах Центральной Азии. Отнюдь не второстепенным фактором развития «северного» маршрута

нелегальной транспортировки наркотических веществ из Афганистана является и коррумпированность государственных и правоохранительных структур, свойственная всем странам региона.[20]

Фактически, ко второй половине 1990-х гг. складывается, в общем и целом, структура наркотранзита через центральноазиатский регион. Применительно к восточным маршрутам центральноазиатского направления (Таджикистан и Киргизия) это выглядит примерно следующим образом. Организацию транзита в конкретных регионах (уровень областей, нескольких областей) осуществляют региональные кланы, лидеры которых относятся к числу публичных политиков. Непосредственно вопросами организации транзита занимаются местные ОПГ, связанные с чиновниками местного уровня. Связанные с этой структурой представители правоохранительных органов обеспечивают прикрытие транспортировки, подстраховывая от случайностей. На уровне крупных региональных центров, каковыми не обязательно являются столицы республик (в Киргизии это г. Ош, в Таджикистане одним из таких центров является г. Худжанд) осуществляется общая координация, здесь же решаются вопросы транзита на соседнюю территорию, передачи груза от таджикских поставщиков киргизским группировкам, а от киргизских — казахским, и т.д. При этом задерживаемые с последующей оглаской в СМИ отдельные наркокурьеры или небольшие группы занимаются этой деятельностью, как правило, спонтанно, не участвуя в структурном транзите. Их задержанием иллюстрируется представление об антинаркотической активности правоохранительных ведомств и государств в целом.

Едва ли не самым ощутимым из результатов американской военной операции в Афганистане стал стремительный рост нелегального производства транзита наркотических веществ в 2002-2003 гг. В первую очередь, он был связан с расширением посевов опийного мака на территории Афганистана. В самый

последний период (2005-2007 гг.) получает весьма широкое распространение и версия о прямом участии военнослужащих США в наркотранзите.[21]

Примерно к весне 2002 г. в Киргизии, с самого начала 1990-х гг. отличающейся невысокой степенью централизованности госвласти, складывается ситуация, когда наркотранзит контролируется сразу несколькими акторами: южнокиргизскими группировками, связанными с лидерами тогдашней оппозиции режиму А. Акаева, двумя (как минимум) конкурирующими северными ОПГ, и южноказахстанскими ОПГ. В этой сложной схеме присутствуют и интересы ташкентских криминальных кланов, исторически тесно взаимодействующих с криминальными кругами Южной Киргизии. И одним из важнейших факторов, обусловивших события 24 марта 2005 г., стала конкурентная борьба между родоплеменными криминализованными структурами за право доминирования в контроле над наркотранзитом.[22]

Из новейших тенденций криминально-политического процесса в странах региона, несущих наибольшую угрозу безопасности, необходимо отметить рост взаимодействия ОПГ с исламистскими радикальными организациями. В Киргизии эта тенденция наиболее отчетливо связывается с деятельностью Исламского движения Узбекистана, уйгурскими сепаратистскими исламистскими организациями.

Интеграционные инициативы

Определяющим императивом внешней политики Киргизии заявлена ее многовекторность (см. подробнее ниже). Следование этому императиву обусловило причастность Киргизии к ряду интеграционных проектов.[23]

«*Турецкий проект*». С исчезновением СССР роль Турции в качестве южного фланга НАТО существенно снизилась, но с возникновением новых тюркоязычных государств Центральной

Азии и Закавказья появился шанс на возрождение былого величия и повышение своей значимости в мировых делах. В начале 1990-х гг. вновь возрождаются традиционные пантюркистские идеи о создании «Великого Турана». В декабре 1991 г. Анкара первой признала новые тюркоязычные государства Центральной Азии, а уже в январе 1992 г. премьер-министр Турции Сулейман Демирель заявил об изменении регионального статуса своей страны ввиду открывающихся перед ней возможностей определять политическое будущее мусульманских республик СНГ. Предполагалось взять на себя решение двуединой задачи: обеспечить необходимый уровень контактов Запада с этими республиками и убедить их руководителей в том, что Анкара способна служить проводником интересов мусульманских стран СНГ на Западе.

При турецком МИДе было создано Агентство тюркского сотрудничества и развития (ТКА) с целью координации на государственном уровне всех видов деятельности, направленных на единение тюрков, а в правительстве появилась должность министра по связям с тюркоязычными республиками СНГ. Свою деятельность в центральноазиатском регионе активизировали Турецкий директорат по религиозным вопросам (TDRA), Образовательный центр религиозной общины Фетхуллага Гюлена, Турецкий международный исследовательский центр Турана Язгана, фонд «Аврасия Бир», «Тюрксой» и др. В активе этих организаций — пропаганда турецкой модели развития, противостояние интересам Ирана и арабских стран в регионе.

Важнейшим направлением турецкой активности стала подготовка кадров различного профиля для центральноазиатских республик. Анкара ежегодно выделяет несколько тысяч стипендий для обучения студентов и преподавателей из тюркоязычных республик в высших учебных заведениях и научно-исследовательских центрах Турции. В Киргизии эту задачу выполняют Киргизско-Турецкий университет «Манас» и широкая сеть лицеев, работающих во всех регионах республики.

Но в целом политика Турции по созданию единого тюркского политического и культурно-идеологического пространства уже во второй половине 1990-х гг. стала заходить в тупик. Руководители тюркоязычных республик открыто стали дистанцироваться от попыток Турции сблизиться на этой основе. Вероятно, и в турецком руководстве сформировалось осознание того, что политическая и культурная близость, приверженность новым независимым тюркоязычным республикам исламу и тюркизму были преувеличены, а реальностью является государственный национализм центральноазиатских этносов.

К настоящему времени Турция является для Киргизии одним из важных внешнеполитических партнеров, заметно уступая, однако, России, Китаю, Казахстану и Узбекистану, США, Японии, странам ЕС. Тем не менее, можно наблюдать определенные всплески этой активности по отдельным вопросам или проблемам. Так, руководство Турции проявляет особый и настойчивый интерес к оборонным отраслям промышленности республики, проявляет Турция, откровенно предлагая свои услуги и участие в деятельности ВПК. Традиционными являются подготовка в Турции военных кадров для Киргизии и оказание ей гуманитарной и военно-технической помощи.

«Казахстанский проект». Казахстанского проекта нет. Постсоветская история знает огромное количество инициатив казахстанского руководства, бывших, по сути, пиар-проектами. Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии, Евразийский союз, программа «Десять простых шагов навстречу простым людям», Туркестанский союз, Мини-ОПЕК, Форум лидеров мировых и традиционных религий, Центрально-Азиатский экономический союз, Проект реформирования СНГ — это неполный перечень. Все они изначально концептуально несостоятельны, утопичны. За казахстанскими инициативами очевидно стремление американской администрации обыграть амбиции Астаны в противовес российским планам в регионе. Астану пытаются противопоставить Москве. В сфере энергетики

это попытки создания оси Астана-Баку-Тбилиси, все другие планы подключения Казахстана к многочисленным антироссийским коммуникационным проектам. Для США реализация этих планов означала бы достижение существенного ограничения российского влияния в вопросах добычи и транспортировки энергоносителей. В этом же контексте нужно рассматривать и попытки вовлечь Казахстан и другие страны региона в систему «коллективной ответственности» по Афганистану, в полном соответствии с концепцией «Большой Центральной Азии».

«Исламистский проект». Идеи интегризма в том или ином виде проникают через советский «железный занавес» и будоражат умы молодых мусульман региона Средней Азии, все более ощущающих себя частью исламского мира. Однако «новая волна» реформаторов не акцентировала внимания на неприменном возрождении халифата, оставаясь на ханафитских позициях; они лишь настаивали на восстановлении общей исламской идентичности, то есть возвращения ощущения себя как части всего исламского мира.

Несмотря на множество алармистских прогнозов, ислам ни в одной из республик Центральной Азии не стал основой устойчивых политических союзов. Говорить об исламе как о факторе наднациональной идентичности здесь не приходится. А. Малашенко справедливо отмечает особенность исламских оппозиционных групп в Центральной Азии: «активность политического ислама сдерживается отсутствием единого руководящего или координирующего центра в масштабах каждой страны, не говоря уже обо всей Центральной Азии. Важно и то, что для достижения успеха любому исламскому политическому движению требуется авторитетный лидер. Сегодня нигде в Центральной Азии такого лидера нет, и нет даже подходящей кандидатуры на это место. Главная причина такого явления заключается в том, что сегодня действующие здесь исламистские движения и организации являются практически

национальными, т.е. они ограничивают свои задачи рамками одного, «своего» государства».[24]

Идея о халифате партии «Хизб ут-Тахрир» (ХТ) и похожих групп не была принята большинством местных мусульман. Местные лидеры ХТ начали свой самостоятельный поиск легитимации халифата, начав его с попытки опровержения устоявшихся среди мусульман региона представлений. Однако, несмотря на пропагандистскую активность ХТ в регионе, в настоящее время говорить о том, что их идеи приняты абсолютным большинством, нет оснований.[25] Полноценной интеграции мусульман региона в настоящее время тоже не существует. Регионализм (прежде всего, политический регионализм), закрытые границы, другие факторы фактически разделяют мусульман, крайне затрудняя их общение и, тем более, объединение. Тем не менее, идея «единого исламского государства» (в форме «Союза исламских государств») рассматривается многими исламскими интеллектуалами как самая эффективная форма противостояния идеологическому и культурному влиянию и политическому давлению Запада. Кстати, и в дороссийский период ислам был преимущественно идентификационным признаком, но никак не интегрирующим.

Необходимо отметить, что, по мнению большинства экспертов, религиозная мотивация другой известной халифатистской организации, Исламского движения Узбекистана (ИДУ) и образ их действий также не воспринимаются большинством верующих региона, без всякого давления со стороны местных режимов. Эта позиция традиционна для большинства богословов Центральной Азии и выработана за многие века существования уммы в условиях взаимоотношений с неисламскими политическими и культурными субстратами.[26] Полноценной интеграции мусульман региона в настоящее время тоже не существует. Регионализм (прежде всего, политический регионализм), закрытые границы, другие факторы фактически разделяют мусульман, крайне затрудняя их общение и, тем

более, объединение. Существовавшая когда-то общая идентификация на основе ислама оказалась утеряна. Активность той же ХТИ этнически окрашена: подавляющее большинство ее участников в любой из республик региона — этнические узбеки.

Тем не менее, идея «единого исламского государства» (в форме «Союза исламских государств») рассматривается многими исламскими интеллектуалами как самая эффективная форма противостояния идеологическому и культурному влиянию и политическому давлению Запада. Такие же идеи локальных мусульманских объединений возникают и в прокламациях исламистских организаций, действующих в регионе.

Иранские инициативы. В начале 1990-х гг., сразу же после развала СССР, обнаружив огромное неосвоенное рыночное пространство, Иран стремительно активизировался в новых государствах Центральной Азии, в первую очередь — в Таджикистане, Узбекистане и Туркмении. В целом, в 1990-х гг. иранское влияние ограничилось некоторой экспансией на местные рынки иранских товаров. Определенным исключением для этих выводов изначально является Таджикистан. Этнокультурная близость таджиков и иранцев сразу обусловила более высокий уровень отношений Ирана с Таджикистаном, нежели с другими государствами региона. С конца 1992 г. в таджикско-иранских отношениях наметился спад, переходивший временами во вполне ощутимое взаимное отчуждение, в основе которого лежало возникшее в ходе гражданской войны в среде значительной части таджикского общества политическое и идеологическое предубеждение в отношении Ирана. Первоначальные претензии иранских политических кругов на доминирование в Таджикистане быстро оказались дезавуированы и со стороны России. Е.М. Примаков указывает, что уже на начальном этапе российско-иранских контактов по таджикостанской тематике, когда стала ясна бесперспективность усиления иранских позиций в Таджикистане, влияние Ирана и даже «физическое присутствие» в Таджикистане пошли на

убыль.. В отношении общей стратегии был сделан вывод, что Иран стремится выйти из изоляции и «принять участие в позитивных процессах на международной арене».[27] Опыт того времени во многом определил формат российско-иранского взаимодействия в Таджикистане в последующем, предотвратив вероятность возникновения прямой конфронтации интересов двух стран.

Весь последующий период основные тактические установки иранской дипломатии в странах Центральной Азии были направлены на постепенное инсталлирование во все сферы, дающие возможность способствовать преодолению внешнеполитической и экономической изоляции Ирана. При этом необходимо уверенно констатировать, что идеологическая составляющая, пресловутая идея «экспорта исламской революции», не является сколько-нибудь значимой в региональной политике Ирана и не грозит стать таковой в обозримом будущем, означая лишь попытку реинтеграции региона в исторический контекст.[28]

Потенциал внутрорегиональной интеграции. Стоит согласиться с мнением А.В. Малашенко в том, что «вряд ли следует абсолютизировать этно- и социокультурную гомогенность региона».[29] Активное блокотворчество, происходящее вне зависимости от объективных причин и потребностей, в высокой степени характерно для постсоветского и постсоциалистического пространства. Эта активность лишь подтверждает несоответствие объективно обусловленных систем двусторонних и многосторонних отношений и политической реальности, связанной с новой активностью внешних центров силы, каковым в данном случае выступают чаще всего США. Происходит объединение несовместимых между собою партнеров по правилам, так или иначе навязанным со стороны и не имеющим под собой реальных оснований для экономического и политического сотрудничества. Идет перестановка субъектов региональной политики без учета их истинной значимости и

действительной роли в региональных процессах. В конечном итоге, это создает дополнительную конфликтность.[30]

В наиболее пессимистическом варианте нестыковка национальных интересов будет по нарастающей вести к систематическому обострению отношений между бывшими советскими республиками, которые все интенсивнее будут закреплять свои отношения с внешними партнерами. Тогда о какой-либо интеграции можно будет забыть надолго. Единогласное решение всех национальных элит объединить экономические и политические усилия, создать общий рынок, сформировать некую общерегиональную организацию с делегированием ей наднациональных (пусть и незначительных) полномочий — просто нереально, это прожектерство. Реальным форматом является, сотрудничество по ключевым проблемам, постоянный диалог, в том числе — с участием тех или иных внешних игроков. Например, под эгидой ШОС или ЕврАзЭС, хотя это и не всегда эффективно.

Вообще, опыт центральноазиатского региона позволяет понять, что региональная интеграция — один из образов современного политического мифотворчества. Само понятие происходит от латинского *integratio* — восстановление, восполнение целого. Для Центральной Азии подобным «целым» были исключительно Российская империя и Советский Союз. Никогда больше в истории население региона не было объединено в рамках единого государства. Советская власть дала возможность возникнуть ныне существующим этносам, создала, при всех известных издержках, основы их государственности. Но восстановление какого-либо единства по советскому образцу уже невозможно. Многими экспертами, особенно западными, подчеркивается, что интеграционной основой для стран Центральной Азии может служить историческая общность различных народов, проживающих здесь в течение многих веков, их культура, язык, религия, традиции, родственные связи. Но не могут эти признаки быть базисом объединения, поскольку не

опираются на объективные потребности и национальные интересы. К тому же уже практически сформировались новые формы отношений с учетом новых границ, их ломка только негативно может сказаться на жизни населения, что вызовет только дополнительную конфликтность.

Не может быть в регионе и никакого регионального лидерства. Внутри самого региона нет страны, которая объективно могла бы выполнять эту роль, и чтобы с этим смирились бы все остальные. Есть две страны, которые по ряду критериев — экономических, политико-территориальных, демографических и некоторых других — выделяются в регионе. Это Казахстан и Узбекистан. Но проблема в том, что ни одна, ни вторая не обладают полным набором таких критериев. У Казахстана сегодня есть финансово-экономический потенциал. Но Узбекистан — это коммуникационно-географический «становой хребет» региона плюс более половины регионального населения. А во-вторых, к восприятию кого-то одного в роли лидера не готовы находящиеся еще в стадии своего становления национальные политические элиты. И если говорить о необходимости региональной интеграции, то необходимо констатировать: выполнение этой задачи может быть реализовано только неким внешним интегратором, каковым на протяжении периода со второй половины XIX в. и до 1990-х гг. являлась Россия.

Социальные аспекты безопасности Киргизии: миграции

Масштабы перемещений населения Киргизии в период независимости оказались беспрецедентными. Увеличение интенсивности миграционных потоков объясняется целым комплексом факторов: экономических, демографических, политических, социальных и других. В их числе можно выделить, например, дисбаланс между спросом и предложением рабочей силы и низкий уровень жизни, одновременно,

переселение русскоязычного населения в Россию, вызвано желанием избежать дискриминации.

Среди общих факторов преобладают экономические. Не менее значимым является демографический фактор. Для республики характерно сохранение относительно высоких темпов естественного прироста населения, что в сочетании с кризисным состоянием экономики усиливает проблему трудоизбыточности и воздействует на интенсивность миграционных потоков.

Специфической чертой внешней миграции является преобладание русскоязычного населения среди покидающих республику. В основе внешней миграции некиргизского населения, помимо сложной социально-экономической ситуации, лежит карьерная бесперспективность так называемых национальных меньшинств. При этом в структуре населения для абсолютного большинства этнических групп (кроме киргизов) было характерно сохранение отрицательного сальдо внешней миграции (т.е. миграционная убыль). Устойчивый миграционный прирост наблюдался только у киргизов. Однако с 2000 г. численные потери от эмиграции начинает испытывать и эта группа населения, составляющая большинство среди так называемых «трудовых мигрантов».[31]

На протяжении всего периода государственной независимости основными странами, принимающими эмигрантов из Киргизии, оставались Россия, Казахстан и Узбекистан. В 2001 г. на их долю приходилось соответственно 78; 8 и 2,5% покинувших республику. Среди стран дальнего зарубежья ведущими реципиентами являются Германия, Израиль и США (при абсолютном лидерстве Германии).

К 2006-2007 гг. трудовая миграция становится для Киргизии жизненно важной проблемой. По экспертным оценкам, в России численность нерегулируемых трудовых мигрантов из Киргизии составляет до 1 млн. чел. Наиболее часто встречающаяся оценка численности трудовых мигрантов,

которую высказывают различные специалисты и представители государственных органов, варьирует в пределах от 400 до 700 тыс. человек.

По данным Нацбанка Киргизии, граждане республики, работающие в ближнем зарубежье, в 2007 г. в виде денежных переводов прислали на родину более 350 миллионов долларов. Однако и финансовые эксперты, и правительство склоняются к тому, что эти цифры далеко не окончательные. Например, в 2006 г. сумма средств, перечисленных киргизскими гастарбайтерами, превысила 500 миллионов долларов, что составляет около половины бюджета страны.[32]

Нелегальная миграция является в основном проблемой для стран-реципиентов. Как и в других странах-поставщиках рабочей силы, государственные органы Киргизии индифферентно подходят к вопросу о заключении соответствующих соглашений со странами-потребителями, по сути, их устраивает нынешняя ситуация. Денежные переводы трудовых мигрантов, стимулируя потребительский спрос, повышают капитализацию национальной экономики. Легализация миграционного процесса сужает возможности для коррупции в целом ряде причастных государственных ведомств.

Согласно данным Агентства по демографии и миграции КР, основная часть трудовых мигрантов из Киргизии сегодня трудится в Москве, Московской, Свердловской, Новосибирской, Читинской областях, а также в Красноярском крае Российской Федерации. За последний год граждан республики стала привлекать также и Калининградская область. По оценкам экспертов агентства, это связано с активным участием местных властей в реализации федеральной программы добровольного переселения соотечественников. Наличие рабочих мест и высокий уровень заработной платы, в первую очередь, способствуют тому, что все больше представителей коренного населения Киргизии выезжают на заработки в российские регионы, а то и выбирают Россию в качестве места жительства.

Согласно официальным данным, в настоящее время в России проживает примерно 253 тысячи трудовых мигрантов из Киргизии. На начало 2008 г. более 100 тысяч киргизских гастарбайтеров уже приняли российское гражданство.[33] Вследствие увеличивающихся темпов трудовой миграции республику покинули многие специалисты, в которых сегодня остро нуждаются действующие и строящиеся экономические и социальные объекты во многих отраслях республики. Этот кадровый дефицит не восполняется естественным образом, что постепенно становится важным фактором, препятствующим экономическому развитию самой Киргизии. Правительством РФ установлена трудовая миграционная квота для граждан Киргизии в количестве 500 тысяч в год, однако она не выбирается полностью в силу того, что большинство мигрантов вовлекаются в нелегальные миграционные потоки.

Высокая внутренняя миграционная активность населения в КР обусловлена целым комплексом конструктивных и деструктивных факторов современного развития Социально-экономической ситуации. Формирование рыночных отношений, частное предпринимательство, коммерция, как конструктивные факторы, безусловно, способствуют переливу капитала и, соответственно, движению рабочей силы, тем не менее, их влияние на интенсивность миграционных потоков уступает по силе и значимости действию деструктивных факторов. Рост числа малых и средних предприятий, крестьянских и фермерских хозяйств, развитие индивидуальной трудовой деятельности, до сих пор не способны компенсировать сокращение сфер приложения труда в результате демонтажа социалистической системы хозяйствования и последующего экономического кризиса. Избыток рабочей силы, спровоцированный закрытием и перепрофилированием многочисленных промышленных предприятий, ликвидацией крупных сельхозобъединений, отсутствием эффективной государственной поддержки зарождающихся и уже действующих хозяйствующих субъектов

(и, как следствие, ограниченные возможности по созданию дополнительных рабочих мест), заставляет население покидать обжитые места в стремлении найти или изменить работу.

Становление рыночной экономики обозначило зоны «притяжения» и «отталкивания» внутренних мигрантов. К зонам «притяжения» относятся г. Бишкек и Чуйская область, что объясняется как более выгодным экономико-географическим положением указанных территорий по сравнению с другими областями республики, так и массовым оттоком за рубеж, проживающего здесь русскоязычного населения и, соответственно, появлением возможностей трудоустройства для вновь прибывших. Специфическим моментом, предопределяющим направления внутренней миграции, служит дифференциация доходов. Кроме того, относительно высокий уровень жизни в столице и Чуйской области представляет собой и чисто психологический фактор, заставляющий переселяться как людей, реально имеющих возможность трудоустроиться, так и пополняющих ряды безработных. Все остальные регионы республики являются зонами «отталкивания», для которых характерно устойчивое сохранение отрицательного сальдо внутренней миграции. Характерной чертой внутренней миграции является массовый приток сельского населения в города, одновременно отражающий кризисное состояние аграрного сектора республики и диспропорции между уровнем жизни в городе и на селе. Дополнительный фактор, обуславливающий миграционную активность сельских жителей — традиционно более высокий, чем в городах, темп прироста населения, который обостряет проблему количественного несоответствия трудовых ресурсов спросу на них.

Широкомасштабная внутренняя миграция влечет за собой ряд негативных тенденций, способных существенно повлиять на стабильность и сферу безопасности. Одна из них связана с растущей маргинализацией городского населения. Другая — с деформациями в этнотерриториальной сфере.

Национальный состав участников внутренней миграции почти однороден, мобильность отдельных этнических групп в целом определяется их долей в общей численности населения. Исключением являются узбеки, чья оседлость обусловлена традиционно преобладающей формой занятости — земледелием. Узбеки демонстрируют крайне низкую миграционную активность. Это обстоятельство позволяет говорить о довольно динамичном изменении этнической структуры населения юга Киргизии, в которой доля узбекского населения растет опережающими темпами. Происходит некая «узбекизация» южного региона, способная при определенном стечении обстоятельств привести к актуализации автономистских или даже сепаратистских тенденций («косовский синдром»).

Структуры влияния на внутреннюю и внешнюю политику страны и их значение в политической практике

В ходе электоральной кампании 2004–2005 г., приведшей к государственному перевороту 24 марта 2005 г., программы по предвыборной работе с различными группами избирателей (особенно с молодыми избирателями, которые затем становились основной движущей силой переворотов) везде проводили и финансировали одни те же организации, как, например, USAID, «Freedom House», Корпус мира, Международный республиканский институт США, NDI, «Восточно-европейский демократический центр» (ВЕДЦ), «Каунтерпарт Консорциум», «Корпус мира». Со средствами массовой информации — «Internews Network», «Фонд Евразия» («Eurasia Foundation»), «CIMERA» (Швейцария), «Open Society Institute» («Фонд Сороса»), Институт по освещению войны и мира (IWPR). Серьезную аналитическую работу в стране провела финансируемая американскими фондами International Crisis Group.

Национальный демократический институт США (NDI) оказывал финансовую, техническую и методическую помощь практически всем оппозиционным партиям и организациям Киргизии. В целом, США создали в Киргизии сеть организаций, спланировавших не столько собственно оппозицию, сколько силы, которые можно было использовать любым образом. Непосредственная поддержка оппозиции со стороны посольства США и различных американских организаций открыто стала проявляться лишь в последние месяцы перед парламентскими выборами. До тех пор формировалась необходимая общественная атмосфера, создавалось общественное мнение. В республике действует около пяти тысяч действующих (не всегда зарегистрированных) неправительственных организаций, они имеются практически во всех селах. Как правило, они малочисленны, но они существуют, и созданы для того, чтобы получать гранты, материальную помощь по линии международных организаций на совершенно разные вещи, начиная от развития свободной прессы и заканчивая, допустим, борьбой со СПИДом, либо этикой воспитания детей. «Это было бы совершенно невозможным без этой помощи», — признавался один из молодых оппозиционных лидеров Э. Байсалов. — Американские деньги помогали финансировать центры гражданского общества по всей стране, только лишь NDI имеет 20 центров. Эти людские ресурсы давали киргизской оппозиции финансовую и моральную поддержку, а также предоставляли ей инфраструктуру, которая позволяла распространять свои идеи среди киргизского народа».[34]

В отношении молодежи в Киргизии сетевыми структурами — при необдуманно поощрительной политике президента и правительственных структур — применялась тактика массированной образовательной атаки. Количество университетов, институтов, колледжей, лицеев, программ стажировки, курсов достигло просто абсурдных масштабов. Не будучи подкреплено собственными средствами и

возможностями, это обилие образовательных центров существовало благодаря поддержке названных сетевых структур, выполняя, естественно, и поставленные перед ними задачи. Через образовательные центры и НПО шло планомерное разрушение традиционных социальных механизмов, включая и мировоззренческие основы, в общественном сознании формируется неприятие существующего положения в республике (с указанием на конкретные адресаты виновных в этом), стимулируется рост уровня ожиданий и претензий к жизни, никак не подкрепленный реальными возможностями республики. Создаваемые (в том числе посредством НПО и поддержки «ответственных СМИ») сетевые структуры на физическом уровне призваны обеспечить критическую массу людей, готовых принять активное участие в протестных акциях (под разными лозунгами и с разными целями — в зависимости от обстоятельств и регионов). На информационном уровне их задача — поддерживать определенную степень социальной активности, обострять обстановку, продолжительное время намеренно акцентируя внимание на реально существующих проблемах, психологически осложняя обстановку вокруг конфликтных ситуаций, обеспечить прямые коммуникации между различными сетевыми организациями, придерживающимися наиболее радикальных взглядов. На когнитивном уровне активность призвана оказать такое влияние на сознание людей, которое подтолкнет их к формированию устойчивого убеждения: «так дальше нельзя», «жить стало невыносимо». На социальном уровне задача состоит в поиске, активизации этнических, социальных, региональных религиозных и иных групп, их мобилизации к применению радикальных методов в ситуации назревающего хаоса.

Приход к власти в Киргизии Курманбека Бакиева стал серьезным проколом американской политики. В силу ряда субъективных причин Бакиев еще в большей степени, нежели Аскар Акаев, развернулся в своей внешней политике в сторону

Москвы, а заодно Пекина и Ташкента. У США возникает потребность в реванше, поскольку такой «разворот» киргизского президента напрямую затрагивает, помимо целого ряда геополитических интересов, совершенно конкретный американский интерес из области практической политики — функционирование военной авиабазы в аэропорту «Манас».[35] Прямым результатом стал новый этап работы с НПО и оппозицией всех западных неправительственных организаций. В настоящее время администрация США приступила к формированию в Киргизии новой, более дееспособной оппозиции. Подобная тактика является многоцелевой: она может быть использована как средство простого давления на действующую власть, она же, в случае крайней необходимости, может быть использована и для реализации сценариев по новой смене власти.

Что касается структур влияния или лоббистских групп, имеющих иное, неамериканское, внешнее происхождение, то представляется, что они находятся в зачаточном состоянии и проявляются довольно спонтанно лишь в отдельных ситуациях, чаще всего и наиболее очевидно — в форме лоббирования тех или иных экономических инвестиционных проектов.

Элиты, проблемы идентичности. Национализм, трайбализм, регионализм

Как и во всех традиционных обществах, в постсоветских государствах Центральной Азии существует своеобразная «двойная» политическая культура, в которой параллельно с официальными органами управления присутствуют традиционные формы власти. При этом перемещение по иерархии в одной системе, как правило, сопровождается изменением статуса в другой. Лидеры традиционной системы иерархии, прямо не представленные в официальной политической власти, нередко оказывают сильное влияние на

принятие важнейших политических решений. Параллельные структуры часто обладают более сильным влиянием на своих сторонников, нежели государство, оказывая прямое воздействие на общественно-политическое развитие своих стран.

Эта специфическая черта постсоветских среднеазиатских обществ, продолжая действовать и в настоящее время, оказала определяющее влияние на формирование первичных форм государственности в бывших союзных республиках сразу после распада СССР. Политическая власть в современной Центральной Азии не является продуктом классического политического процесса в его европейском понимании. Политическая власть в современной Центральной Азии является результатом способности правившей на момент перехода к независимости номенклатуры внутренне консолидироваться и удержать в своих руках основной инструментарий государственного управления — так произошло в Казахстане, Узбекистане, Туркмении. Либо — как в Таджикистане и Киргизии — политическая власть является результатом достижения компромисса между основными кланами, ведущими свою историю из традиционного прошлого. В советский период в республиках Средней Азии произошла и консервация родоплеменных отношений, которые в 1990-е гг. получили свое дальнейшее развитие, после развала СССР произошло возрождение полуфеодальной системы общественных отношений, поднявшее роль родоплеменного фактора на новую высоту. При этом новый киргизский или таджикский клан это не просто какая-то влиятельная семья или группа семей, это скорее региональное объединение, опираясь на которое и действуя в его интересах, тот или иной политик участвует в политической борьбе и претендует на долю во власти.

Наряду с трансформацией переживших советскую эпоху и еще существовавших на рубеже 1980-1990-х гг. традиционных связей уровня первичной социализации, происходит одновременная реанимация родоплеменной и клановой

структуры. Киргизскому обществу когда-то была свойственна демократия в ее зачаточном виде — военной демократии. И ее основополагающая процедура — выборы — тоже не нова. Даже после вхождения в состав царской России данная процедура не исчезла, как и родовое представительство — это была удобная самоорганизующаяся и самоконтролируемая иерархия. Не только Россия на присоединенных к империи территориях, но во многих случаях и Британия старалась сохранять в своих колониях уже проверенные временем управленческие пирамиды такого рода. В СССР система родовой иерархии если и не была разрушена, то была изрядно деформирована. С распадом СССР как безальтернативный путь была выбрана демократия. При этом временная дистанция от военной демократии киргизского типа до ее современных форм, предлагаемых к реализации, слишком велика, необходим длительный процесс эволюции, который должно пережить или осознать общество, чтобы затем оценить его реальные плоды. Военная демократия, состоявшая в почти полной автономии родов и кланов, лишь в критические моменты объединявшихся и выбиравших верховного правителя, чьи полномочия были ограничены периодом кризиса (чаще всего — войной с внешним противником), эта демократия слишком проста и даже примитивна, чтобы работать сегодня в качестве механизма управления. Впрочем, элементы ее, ведущие к хаотической фрагментации республики, проявляются в сегодняшней Киргизии достаточно очевидно. Театром абсурда выглядит, например, партийное строительство: по состоянию на 20 июня 2006 года в республике с населением около 5 миллионов человек было зарегистрировано 82 политические партии.[36]

В условиях Киргизии, где большинство политиков представляют из себя амбициозных субъектов, отражающих не общенациональные или партийные интересы, но региональные, кланово-трайбалистские, или просто семейные и личные честолюбивые пристрастия, одним из вполне объяснимых желаний такого рода людей было стремление к расширению

возможности получения престижных (а соответственно и доходных) должностей в государственном аппарате для себя и своих сторонников, включая родственников. Калькированные демократические институты представляют для этого вполне удобную форму. Эти вожделья группы персон, участвующих к киргизской политике, и являются главным стимулом всех движений по модификации и избирательной системы, и взаимоотношений между парламентом и правительством. Для возвращения в киргизский политический процесс хотя бы минимальной системности нужна жесткая схема управления страной из единого центра. В реалиях Киргизии этим центром может быть только исполнительная власть.

В Киргизии, как и во всех центральноазиатских странах, население, в своем большинстве, не имеет сколько-нибудь связанных представлений о том, что же такое их государство и демократия, и в чем функции тех или иных политических институтов. Так называемые «политические элиты», в том числе оппозиционные «контрэлиты», почему-то считающие себя в этом отношении культуртрегерами, судя по всему, сильно переоценивают степень своей компетенции. Влияние любого из представителей этой страты в лучшем случае распространяется на земляков — представителей соответствующего рода-племени, подконтрольные СМИ, тираж которых чаще всего не превышает десятка тысяч экземпляров, да пару-тройку неправительственных организаций. Складывается ситуация, когда количество таких персон, самоидентифицирующихся в качестве общенациональных политиков, катастрофически превышает все разумные общественные потребности. Ни одна из оппозиционных политических партий или организаций и иных в разной степени структурированных политизированных групп не имеет главного атрибута настоящей политической: научно обоснованной и четко сформулированной конструктивной программы объективной назревшим переменам в стране и сложным геополитическим реалиям. Общей чертой всех этих

партий и иных сил является их социальный состав: группа элиты, чьи интересы вошли в противоречие с правящей элитой, опирающаяся на маргинальный социальный компонент и на регионально-клановый фактор. У сельского населения республики, с исчезновением советских форм организации, основанных на территориальном принципе, и отсутствием новых, происходит возрождение родоплеменных структур объединения, причем в форме, сниженной настолько, что это делает их похожими на субэтнические объединения, обладающие высоким уровнем, по меньшей мере, типологического сходства с криминальными структурами. Для многих из них характерны апелляции к внешней поддержке. В той или иной степени все они обладают различными комплексами, характерными для политических неофитов.

В Киргизии в высокой степени сохраняются и присущие любому азиатскому обществу традиции патернализма. Основная масса населения страны продолжает хранить веру в государство как систему справедливого распределения социальных благ и проводника страны на пути к всеобщему процветанию и благосостоянию. И эта вера всегда в высокой степени персонифицируется, связывается с конкретным лидером, а вовсе не с качеством политической и правовой системы.

Киргизская специфика заключается в том, что при отсутствии каких-либо исторических традиций самостоятельного существования как государство, событиями 24 марта 2005 года, на пятнадцатом году хрупкой киргизской государственности был прерван легитимный политический процесс. Отсутствие устоявшихся норм политической жизни сегодня позволяет огромному числу людей, относящих себя к киргизской политической элите, осуществлять попытки самореализации в качестве лидеров нации.

Киргизия, как и все постсоветские государства кроме России, пошла по пути строительства этнократического государства, где титульный этнос становится доминирующим во

всех сферах жизни. Большинство всех граждан, не относящихся к титульному этносу, исключены из политической, общественной и культурной жизни, из процессов приватизации и крупного бизнеса.

В нынешней киргизской государственности и политической практике присутствует самый нижний и примитивный уровень понимания и толкования понятия «нация» — биологический уровень, в соответствии с которым нацией считается социум, объединенный единством крови (биологический фактор). Этот подход четко обозначен в преамбуле конституции. Дистанцируя себя от других этносов по биологическому признаку (по крови), киргизы сами начинают делиться по «крови родов», что ведет к возникновению клановости (трайбализму) и проявлению ее в сфере политики, бизнеса и иных отношений в государстве и обществе.

Одним из последствий этого является превращение Киргизии в моноэтническую страну. К настоящему времени уже на 70% территории проживает преимущественно одна этническая группа — киргизы. Школьное образование на русском языке доступно далеко не везде, количество школ с русским языком обучения резко сократилось. Качество преподавания в школах, вузах ухудшается. Согласно закону «Об образовании» в его новой редакции (2007 г.), государство снимает с себя обязательство обучать граждан русскому, узбекскому и всем другим языкам народов республики. Происходит интенсивная дерусификация внутреннего культурного и языкового пространства, являющаяся одним из важнейших катализаторов внешней миграции.

Одновременно в киргизском социуме по прежнему отсутствует какая-либо четкая общая идентификация, отказ от формирования гражданской идентичности (гражданской нации), несмотря на этнократичность социально-политической реальности, не привел к успеху и в формировании этнической идентичности (этнической нации). Поэтому в республике

происходит процесс дальнейшего нарастания трайбалистских тенденций, являющихся основой клановой структуры и стимулом к дальнейшей архаизации всей системы общественных и политических отношений.

Многовекторность и неопределенность как следствие

Многовекторность внешней политики Киргизии является выражением желания правящей политической элиты сохранять комфортное пространство для маневров во взаимодействии с внешним миром. Это абсолютно прагматичный подход, при котором каждый из внешнеполитических партнеров получает определенные преференции, приоритеты максимально размыты и ни одна из великих держав не имеет решающего голоса. К настоящему времени это право по инерции во многих случаях остается за Россией, но это — вопрос времени, в частности — смены поколений политиков и электората. В руководстве Киргизии, судя по всему, присутствует понимание того, что позитивное развитие и стабильность связаны с необходимостью формирования эффективной системы взаимодействия: интеграционного с Россией, двухстороннего с США, комбинированного с Китаем. Однако набор внешнеполитических «инструментов» должен соответствовать реальному состоянию отношений с каждым из ключевых партнеров, что и не может реализовать киргизская политическая элита.

В реальных киргизских условиях принятия политических решений высока значимость и субъективного фактора, причем, не только на самом верхнем уровне. В условиях нежесткой централизации властных полномочий в президентской администрации большое значение приобретает позиция тех или иных ведомств, определяемая в киргизских условиях личными внешнеполитическими пристрастиями их руководителей.

Тактический характер всей внешнеполитической деятельности киргизских руководителей ярко проявился в

ситуации, связанной с декларацией саммита глав государств-членов ШОС, принятой 5 июля 2005 г. в Астане. Все внешнеполитические шаги киргизского руководства свидетельствуют о твердом намерении продолжать искать выгоду в противоречиях между внешними игроками, демонстрируя полное отсутствие стратегического политического мышления, а обнаруживая лишь способность к сиюминутному прагматизму. Мимо понимания руководства республики ускользает осознание того факта, что время простой многовекторной политики уже давно позади.

Основная угроза безопасности и даже государственности Киргизии — это отсутствие научно выверенной стратегии дальнейшего строительства, развития государства. В том числе — и с точки зрения угроз и рисков. Есть угрозы внутреннего характера — отсутствие действенных государственных институтов, что демонстрируется наиболее ярко неконституционной сменой власти в 2004 году, отсутствие сформировавшейся общественной структуры, которая соответствовала бы потребностям времени, этническая, родоплеменная, социальная разобщенность населения. Из этого вытекают проблемы экономической состоятельности, да и политической состоятельности в целом.

В то же время, на протяжении ряда лет в Киргизии сформировался специфический механизм содержания альтернативной элиты с помощью иностранных вливаний. Легкие и доступные грантовые деньги привлекали самых разных людей, «выкинутых» с государственных постов и сразу же «прозревших» относительно характера «акаевского» режима. В этом контексте любопытно последующее состояние бывшего оппозиционного лагеря. Уже по истечении года после мартовского переворота подавляющее большинство его лидеров оказываются в оппозиции к новому режиму. Это состояние лишний раз подчеркивает невозможность долговременного существования консолидированных общенациональных

политических сил в условиях кланово-региональной структуры общества и отсутствия общенациональной же политической элиты. Часть элиты уже сейчас в значительной степени ориентирована на Запад, следовательно, в процессе неизбежного выхода на ключевые роли нового поколения политиков «перемена участи» может произойти и естественным путем. В настоящее время продолжается создание «площадки» для «нового этапа стратегического партнерства» КР и США, в первую очередь — в образовательном и информационном пространстве.

Желание части киргизской политической элиты (имеющее поддержку и преобладающей пока части электората) к более тесному взаимодействию с Россией продиктовано, прежде всего, растущим пониманием и непубличным признанием факта несостоятельности киргизского этнократического государства. Налицо интеллектуальная бедность киргизской элиты, которая находится в растерянности, она не знает, что же нужно сделать, чтобы превратить Киргизстан в полноценное независимое государство, и обращается в этом поиске к недавнему прошлому, когда, получая дотации союзного центра, республика была вполне благополучной. Регулирование кадровых вопросов из того же союзного центра позволяло не особо задумываться о тех кланово-трайбалистских проблемах, которые сегодня определяют основные векторы внутрикиргизской политики. В парламенте уже около года звучат призывы к инициированию процесса вхождения в состав России на правах автономии.

Некоторые выводы

1. Наличие потенциальных военных угроз и угроз военного характера, обусловленных глобальными, региональными и внутригосударственными проблемами и противоречиями, имеющих различное содержание и характер диктует необходимость военно-политической интеграции

государств Центральной Евразии в целях создания эффективной многопрофильной системы обеспечения региональной и, соответственно, национальной безопасности.

2. Регион представляет собой больше географическое, чем геополитическое образование, которое характеризуется отсутствием политической и экономической целостности. Между государствами региона существуют серьезные политические, экономические и иные противоречия, усугубляемые пограничными, территориальными, ресурсными претензиями и препятствующие процессу военно-политической интеграции.

3. Опасение государств региона попасть в политическую, экономическую и военную зависимость от России и Китая, отсутствие реальной внешней угрозы, потребности в коллективной защите общих экономических интересов тормозит развитие интеграционных процессов в рамках ОДКБ и ШОС.

4. Процессу интеграции активно противодействуют США, добивающиеся ослабления ОДКБ и ШОС и, в дальнейшем, превращения Центральной Евразии в зону своего влияния.

В этих условиях государства региона будут стараться развивать двусторонние отношения с третьими странами, в надежде увеличить гарантии своей безопасности, обеспечить интенсификацию экономического развития и, в свою очередь, стабилизацию внутренней политической и социально-экономической ситуации, что является одним из главных условий сохранения правящими элитами своей власти. На примере Киргизии ясно, что партнерами государств региона в первую очередь станут США и их союзники.

Ставка на внешних партнеров неизменно ведет к росту межгосударственной конкуренции за инвестиции и зарубежную помощь, обостряя существующие межгосударственные противоречия и претензии. Последнее может повлечь за собой расширение практики силового, экономического и иного давления и способствовать дестабилизации обстановки внутри государств региона.

Исходя из геополитических устремлений США, можно предположить, что сближение с ними государств Центральной Евразии вызовет негативную реакцию их основных геополитических оппонентов — России и Китая — и соответствующее воздействие на государства, наносящие ущерб основам существования ОДКБ и ШОС.

Следование системе внешнеполитических сдержек и противовесов представляется одной из наиболее вероятных тенденций в формировании внешнеполитического курса Киргизии в ближней и среднесрочной перспективе. Но в силу ряда субъективных причин во взаимоотношениях Киргизии со всеми основными внешними акторами с 1991 г. и по настоящее время имеет место спонтанное реагирование на текущие события и тенденции. Отсутствует какая-либо продуманная, выверенная внешнеполитическая стратегия, какая-то программная, системная политика. Из внешних угроз государственности республики главной является как раз это: отсутствие стратегии в условиях глобализации, когда небольшая и слабая страна не в состоянии исключить внешние воздействия, в условиях растущей геополитической конкуренции в регионе, что влечет уже происходящую десоверенизацию и опасность фактической потери всех возможностей сохранения своей государственности.

[1] Численность населения в 2007 г. составила 5 млн. 248 тыс. человек, численность трудоспособного населения — 3 млн. 59 тыс. человек. Площадь — 198,5 тыс. кв. км. Плотность — 24 человека на 1 кв. км. Соотношение городского и сельского населения: 38% и 62%. По прогнозам Всемирного банка к 2025 г. население увеличится на 1, 3 млн. человек. Уровень безработицы в 2007 г. — 11%.

[2] Военный бюджет в настоящее время (\$40,4 млн.) не превышает 1,5% ВВП.

[3] Кабар. — Бишкек, 2002. — 28 июня. Аэродром «Кант» менее благоустроен, нежели «Манас», но с точки зрения военно-технической он имеет определенные преимущества перед американской базой, поскольку строился именно под военные самолеты. Во времена Советского Союза здесь находилась учебно-тренировочная база так называемых «Пярых летных курсов», где проходили обучение летчики из почти 60-ти стран и повышали

квалификацию летчики из стран-участниц Варшавского Договора. Кроме иного, «Кант» — это база, на основе которой в очень небольшой срок может быть развернута достаточно большая группировка войск (до 100 тысяч военнослужащих).

[4] Проамериканская и националистическая оппозиционная пресса в Киргизии очень живо реагировала на происходящее. «Авиабаза в Канте, безусловно, будет символизировать российское присутствие в Кыргызстане, но не более того... Итак, Россия вновь намерена держать в Киргизстане свой воинский контингент. Чем это обернется для нашей страны — добром или нет, — покажет уже ближайшее время». — Ким А. Кто защитит безопасность Киргизстана — США или Россия?// Моя столица. — Бишкек, 2003. — 18 апреля. «Жогорку Кенеш еще не ратифицировал соглашение, а россияне уже чувствуют себя хозяевами, считая, что они останутся здесь навсегда...». — Bishkek Times. — Бишкек, 2003. — 24 октября. «Поддавшись словам русских, Киргизстан мог бы заявить американцам, чтобы они покинули страну. Но он не может сделать этого, так как страна живет исключительно за счет подачек Америки... Пока никто не сможет сравниться с американцами в плане оказания помощи. Навряд ли прибывшие в Кант русские будут платить за каждый вылет по семь тысяч долларов. Вряд ли они что-то дадут киргизам. Наоборот, они еще не забыли свою привычку командовать...». — Аалам. — Бишкек, 2003. — 14 октября.

[5] Де-юре, российская авиабаза в Киргизии является компонентом Коллективных сил быстрого развертывания (КСБР) в Центральноазиатском регионе. Однако база полностью финансируется на российские деньги, и — де-факто — по всем нормативным документам структурно и штатно входит в состав Уральской армии ВВС и ПВО, штаб которой дислоцируется в Екатеринбурге.

[6] Министерство обороны Киргизии получило стрелковое оружие, предметы экипировки и обмундирования, средства радиосвязи. Кроме того, в рамках услуг военного назначения предусматривается проведение капремонта вертолета Ми-8. — Шварев В. «Шквалы» из Бишкека// Независимое военное обозрение. - М., 2003. — 31 октября. — С. 6.

[7] Несогласие с решением выразил лидер парламентской фракции «Регионы Киргизстана» Турсунбай Бакир уулу. Свою позицию он обосновал тем, что «удары по Афганистану не решат проблемы с международным терроризмом, поскольку это явление распространяется широко за рамки одного государства», по мнению депутата, руководство республики «занимает недальновидную внешнеполитическую позицию» по отношению к ситуации в Афганистане. — АКИпресс. — Бишкек, 2001. — 2 октября.

[8] Аэропорт «Манас» оборудован по первой категории Международной организации гражданской авиации. Его пропускная способность — 1700 пассажиров в час, взлетно-посадочная полоса — 4200 на 60 м.

[9] Нота посольства США в Киргизской Республике. Бишкек, Киргизская Республика, № 542/01. Нота МИД Киргизской Республики, № 011-19/247. Полный текст см.: Князев А.А. Афганский кризис и безопасность Центральной Азии (XIX — начало XXI в.). — Душанбе: Дониш, 2004. — С. 395-397.

[10] Князев А.А. Государственный переворот 24 марта 2005 г. в Киргизии. Изд-е 3-е, исправл. и дополн. — Бишкек, 2007. — С. 69.

[11] ИТАР-ТАСС. — М., 2005. — 5 июля.

[12] АКИпресс. — Бишкек, 2005. — 11 июля.

[13] РИА «Новости». — Бишкек, 2005. — 26 июля.

[14] Quiring Manfred. Wir befinden uns zwischen zwei Fronten// Die Welt. — 2005. — Juli, 26.

[15] Визит Кондолизы Райс был попыткой нейтрализовать синхронно растущий «российский фактор» — прежде всего, договоренности о расширении российской авиабазы в Канте, а заодно и наметившийся диалог России с Узбекистаном. Имела место и очередная постановка вопроса о размещении в «Манасе» самолетов дальнего радиолокационного обнаружения AWACS. Кстати, в августе 2005 г. командующий составляющей E-3A Воздушно-десантных сил раннего предупреждения и контроля НАТО генерал-майор Гарри Уинтерберг, в ведении которого находятся натовские AWACSы, признал актуальность этой проблемы для НАТО. Перспективной целью размещения AWACSов в аэропорту «Манас» является обеспечение возможности проведения боевых операций в Иране, Афганистане и Западном Китае. Бакиев же в этих условиях все больше и больше зарекомендовал себя как фигура, не способная к принятию ответственных политических решений.

[16] По URL: <http://usinfo.state.gov>. В ноябре 2005 г. начался переговорный процесс между уполномоченными делегациями США и Киргизии по пересмотру условий присутствия американской военной базы. Основные обсуждаемые на этих переговорах вопросы связаны с финансовыми условиями американского военного присутствия и никак не учитывают интересы коллективной региональной безопасности.

[17] Документ депутаты разработали в связи с инцидентом, который произошел 6 декабря 2006 г., когда американский военнослужащий убил гражданина Киргизии.

[18] Князев А.А. К истории присутствия пограничных войск Федеральной пограничной службы Российской Федерации в Киргизской Республике// Вестник Киргизско-Российского Славянского университета. Т. 3, № 4. —

Бишкек, 2003. — С. 29-44. Сумароков Л.И. История российской пограничной охраны на Тянь-Шане и Памире. — Бишкек, 2006.

[19] Князев А.А. К истории присутствия пограничных войск Федеральной пограничной службы Российской Федерации в Киргизской Республике// Вестник Киргизско-Российского Славянского университета. Т. 3, № 4. — Бишкек, 2003. — С. 29-44.

20 Князев А.А. К истории и современному состоянию производства наркотиков в Афганистане и их распространения в Центральной Азии. — Бишкек: Изд-во КРСУ, 2003.

[21] Как считает Замир Кабулов, чрезвычайный и полномочный посол РФ в Афганистане, аэропорт «Манас» может стать перевалочной базой для транспортировки наркотиков из Афганистана в СНГ и Европу. По его словам, появляется непроверенная информация об использовании военно-транспортной авиации США для переброски наркотиков внутри Афганистана и за границу — возможно, на авиабазы «Манас» в Киргизии и «Инжирлик» в Турции. — URL: <http://www.wps.ru/ru/pp/military/2007/12/28.html>

[22] Князев А.А. К вопросу о криминальном компоненте современных политических процессов в странах Центральной Азии. В печати.

[23] Здесь рассматриваются лишь часть существующих проектов региональной интеграции. О некоторых из них см. дополнительно материалы конференции, проходившей 26-28 июня 2007 г. в г. Ходженте, Таджикистан (Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы/ Под ред. А.А. Князева. — Бишкек, 2007).

[24] Малащенко А. Ислам и политика в государствах Центральной Азии// Центральная Азия и Кавказ. — 1999. — № 5. — С. 64.

[25] Бабаджанов Б.М. Халифат глазами местных богословов: история и современность// Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы/ Под ред. А.А. Князева. — Бишкек, 2007. — С. 198.

[26] См. об этом подробнее: Бабаджанов Б.М., Муминов А.К., Олкотт М.Б. Мухаммаджан Хиндустани (1892-1989) и религиозная среда его эпохи (предварительные размышления о формировании «Советского ислама» в Средней Азии) // Восток (Oriens). — М., 2004. — №5. — С. 19-33.

[27] О пребывании Е.М. Примакова в Кабуле и Тегеране// Дипломатический Вестник. — М., 1993.— № 15-16. — С. 65.

[28] Иранская концепция рассматривает страны Центральной Азии как единую культурную область с Ираном. Считается также, что единство Центральноазиатского и Кавказского регионов (Asiaye Markazi va Ghafghaz) основано на таких общих факторах, как единые интересы безопасности в районе Каспийского моря и членство этих стран в ЭКО. — The Process of

Development in Central Asia and the Caucasus// The Iranian Journal of International Affairs, VI (3&4).

[29] Малащенко А.В. Тупики интеграции в Центральной Азии// Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы/ Под ред. А.А. Князева. — Бишкек, 2007. — С. 16.

[30] Князев А.А. Интеграционные проекты и геополитическое соперничество в Центральной Азии// Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы/ Под ред. А.А. Князева. — Бишкек, 2007. — С. 12-13.

[31] Согласно исследованию Центра изучения общественного мнения «Эл-Пикир», проведенному весной 2006 г., 83% трудовых мигрантов является этническими киргизами. Среди мигрантов из Бишкека высшее образование имеют 40%, неоконченное высшее — 2%, среднее — 58%; среди мигрантов из Чуйской области высшее образование имеют 11%, неоконченное высшее — 23%, среднее — 49%, неоконченное среднее — 17%. Уровень образования выезжающих в Россию и дальше зарубежье превосходит уровень образования выезжающих в Казахстан. Это связано с тем, что в Казахстан выезжают в основном с целью трудоустройства в сфере сельского хозяйства, прежде всего выходцы из сельской местности, особенно из южных областей Киргизии. Выезжающие в Россию чаще представлены горожанами. Возрастная структура трудовых мигрантов из Киргизии, выглядит следующим образом: 18-25 лет — 25,5%; 26-35 лет — 55,5%; 36-45 лет — 15%; 46 и более лет — 4%. — Regnum. — 2006. — 12 мая.

[32] Российская газета - Центральная Азия. — Бишкек, 2008. — 14 февраля, № 4588.

[33] Российская газета - Центральная Азия. — Бишкек, 2008. — 17 января, № 4564.

[34] The New York Times. — New York, 2005. — March, 30.

[35] 11 июля два сотрудника посольства США в Киргизии были высланы из страны, МИД республики подчеркивал, что «данное решение принято на основе достоверных фактов, представленных спецслужбами», «об неоднократном вмешательстве во внутренние дела государства, несовместимом со статусом дипломата и общепризнанными нормами международного права». «Это можно рассматривать как попытку запугать посольства и заставить замолчать гражданское общество. Соединенные Штаты Америки будут продолжать поддерживать контакты со всеми слоями киргизского общества, в том числе с официальными представителями правительства, оппозицией, лидерами неправительственных и общественных организаций», — отреагировало собственным заявлением американское

посольство. — См. Князев А.А. Государственный переворот 24 марта 2005 г. в Киргизии. Изд. 3-е, исправл. и дополн. — Бишкек, 2007. — С. 220-221.

[36] «... В киргизском обществе идентификация происходила (и во многом происходит и сейчас) не по партийным, а по родовым основаниям. Отсюда появление чисто киргизского феномена — политических партий, костяк которых составляют родственники, члены одной родовой группы, выходцы с одной территории. Анализ состава политических партий, возглавляемых выраженными лидерами, хорошо подтверждает этот феномен. Большинство в партии «Атамекен» составляют выходцы с юга, а в партии «Арнамыс» — с севера. И в общественном сознании происходит четкая идентификация региональной принадлежности партий в зависимости от регионального происхождения их лидеров. Причем это не зависит от того, что в руководящей группе есть и представители других регионов». — Богатырев В. Место и роль политических партий в киргизском обществе// Политические партии в Киргизстане. — Бишкек: Институт общественной политики, 2006. — С. 8.

[http://www.eurasianhome.org/xml/t/expert.xml?lang=ru&nic=expert
&pid=1458](http://www.eurasianhome.org/xml/t/expert.xml?lang=ru&nic=expert&pid=1458)

Kyrgyzstan and Russia: security, cooperation and development perspectives in the Central Asian region

*Alexander Knyazev, Doctor of History,
Professor, Kyrgyz-Russian Slavic
University, Bishkek*

General estimations

In a global dimension the process of formation of a new world order and the new geopolitical configuration, new redistribution of spheres of influence and increase of a competition of the world centers of force are the source of threats for Kyrgyzstan, as well as for all new states of the region.

In a regional dimension the permanent crisis sociopolitical and social and economic situation (as well as comprehension by a part of the population and destructive forces of that fact, that by means of power pressure it is possible to achieve access to the government. A vivid example is the anti-constitutional revolution on the 24th March of 2005) is the significant destabilizing factor. Inconsistent political and economic transformations of the Post-Soviet period have led to the impoverishment of a great bulk of the population of the republic that, besides others, is one of the principal causes of the rising of a number of extremist and terrorist organizations.

In the interstate dimension the following can become the probable causes of wars and confrontations.

1. The interethnic problems caused by discrepancy between the existing borders and the real national-territorial placing of the population. In Kyrgyzia, as well as in all states of region, there are considerable diasporas of ethnic representatives of the adjacent countries. Meanwhile, ethnic diasporas are concentrated mainly in frontier areas.

2. Separatism on social and economic grounds. The standard of life lower in comparison with the neighboring states (Kazakhstan,

Uzbekistan) may generate aspiration of national minorities living in frontier areas to territorial reunion with the ethnic native land or separatism.

3. Separatism owing to infringement of the rights of national minorities (with reference to Kyrgyzia it concerns mainly the Uzbek ethnic community).

4. Separatism on the grounds of geographical dissociation of territories within the states of the region. In particular, Osh and Dzhahal-Abad regions of Kyrgyzstan are separated from the other part of the country by the Ferghana range. Their geographic and economic isolation is increased by the ethnic factor.

5. Struggle for power between various political forces, having potential to develop into an armed conflict.

Available economic, human, military and other resources do not allow Kyrgyzstan to effectively counteract to the whole spectrum of security and military threats.

Military security, armed forces

Armed forces of Kyrgyzia were formed on the basis of units of the Central Asian military district that were deployed in territory of the republic by the moment of disintegration of the USSR. At this the organizational-regular structure of formations and units as a whole has not undergone fundamental changes. Armed comprise bodies of political and military management, formations, units and institutions of the Ministry of Defence, internal forces of the Ministry of Internal Affairs, the State committee for national security, the Ministry of emergencies, National guards, Service of the state guarding, Frontier troops and bodies of military justice of the Ministry of Justice. Koy-Tashsky and Osh brigades formed in 1998 on the basis of the former 8th Guards Panfilovsky division Balykchinsky are the core of the modern Kyrgyz army.

All the units of armed forces are manned on the basis of a general conscription and on a contract basis. As a result of the

outflow of officers of the former Soviet army from Kyrgyzstan in the early nineties the problem of education of command staff became pressing. The Kyrgyz state national military school and the Bishkek higher military school (trains officers in combined arms warfare and technical staff for the Air Forces), established on the basis of the former five-year flight courses Ministry of Defense the USSR, and also on high State Committee on National Security courses of national security were established to solve this problem. In 1997 the Warrant Officers School was opened. Education under the program for reserve officers is carried out on military chairs of some civil high schools. Preparation of military staff is also carried out on the basis of foreign educational institutions on the grounds of intergovernmental agreements with Russia, Kazakhstan, the USA, Turkey, Germany, China, India, France, the Great Britain, Azerbaijan. The major part of military staff is trained in Russia and Kazakhstan.

Kyrgyzstan is a small poor country[1] located at the intersection of geopolitical and geostrategic interests of three superpowers - China, Russia and the USA. As well as the neighboring Tajikistan, Kyrgyzstan is the country which has no influence on global processes and which throughout post-Soviet time solves problems of building of the statehood basically at the expense of external donors.

The same remark also concerns such sphere, as provision of national security in all its aspects. Economic, demographic and military possibilities of Kyrgyzstan do not allow to response to probable military threats symmetrically. Whatever armed forces were created, they will not be comparable to the armed forces of any potential or even the hypothetical state-aggressor. Any war, in which Kyrgyzstan may be involved, will be the war with the enemy manifold surpassing its armed forces on any quantitative and qualitative parameters that makes senseless attempts to repulse aggression independently and to preserve territory. Under these circumstances the military security of the republic may be provided only being based on a complex of contractual guarantees and

participation in one or another military-political blocks or alliances. The understanding of inability to provide independently the military security of republic from the first days of existence has conditioned the loyalty of the leadership of Kyrgyzstan to all major Post-Soviet defensive unifying initiatives, in particular - the CIS CST of 1992. Over the period 1990 - the beginnings of 2000th Kyrgyzstan took part in activities of the Treaty up to its loss of effect. In particular, the battalion of the Ministry of Defense of Kyrgyzstan as a part of the CIS peace-keeping forces in Tajikistan was deployed in Ishkashim district and on the whole managed to fulfill the task though its fighting capacity was not full-fledged owing to chronic underfinancing. Some splash in activity within the framework of the CIS CST related to the events in the Batken district of Kyrgyzstan in 1999 though as a whole allied relations were limited to political support and a number of military-technical deliveries from Russia, Belarus, Armenia and Kazakhstan. In 2000 Kyrgyzstan became the participant of the of the CIS Antiterrorist Centre (CIS AC), the Central Asian branch of which was located in Bishkek. In May 2001 Kyrgyzstan has also joined the Yerevan agreement on establishment of the Collective Rapid Deployment Force (CRDF), regional headquarter of which was also located in the Kyrgyz capital.

The military policy within the first years of independence of the republic was not among the main priorities of its government. The Kyrgyz army had neither concepts of the development, nor sufficient means[2], the elaboration of the military doctrine still represents more likely the simple sum of analytical fragments (it is formally adopted by the decision of the Security Council of the Kyrgyz Republic in March 2002). The chronic lack of means was one of the reasons of development of military cooperation with NATO.

In December 1992 Kyrgyzstan joined the North Atlantic Cooperation Council (NACC) (on 30th May of 1997 it was transformed into the Euro-Atlantic Partnership Council (EAPC). This mechanism was established instead of the planned interblock agreements between NATO and the Warsaw Pact Organization. The

framework document of the NATO's Program «The Partnership for Peace» was signed by the Kyrgyz party on the 1st June of 1994. The whole complex of measures implemented in Kyrgyzstan under the Program «Partnership for Peace» makes for today «the Working program of partnership» which is regularly updated each two years and within the frameworks of «the Individual Program of Partnership» covers concrete actions: maneuvers, courses, seminars, symposiums, conferences, trainings and other forms of education, as well as the exchange of experience. Within the frameworks of the «Partnership for Peace» Program Kyrgyzstan develops relations with the block member countries in such directions, as training in the sphere of peace-keeping, search and rescue and humanitarian operations, planning and actions during emergency situations, ecology and sciences, as well as development of military-civil relations. The republic is gradually involved in a block's field of action, more often participates in joint actions. Since the summer of 1995 divisions of Kyrgyz armed forces participate in NATO's maneuvers on fulfilment of peace-keeping operations, in maneuvers of the Central Asian Battalion with the participation of NATO in the territory of Kyrgyzstan, Kazakhstan and Uzbekistan. In March 2001 in Kyrgyzstan within the frameworks of the «Partnership for Peace» Program were carried out the maneuvers with the participation of NATO's military personnel. In January 2003 was started the implementation of the international project «Virtual Silk way» on the access of scientific and educational communities of the Kyrgyz Republic to the European scientific networks and connection to a high-speed network the Internet. This project is aimed at support of the academic communities of the Central Asian and Caucasian countries and provides the access to information resources of the NATO member countries. In 2007 Kyrgyzstan started the process of a full-fledged joining the Partnership for Peace Program, the preparation of peace-keeping units for participation in corresponding NATO programs was launched. On March 12, 2007 Kyrgyzstan has joined the NATO's Planning and Review Process (PARP) program,

that provides the intensification of military and technical cooperation with NATO and allows to take part in peace-keeping missions and NATO's actions in the areas of armed conflicts.

Besides the USA the greatest activity versus Kyrgyzstan within the frameworks of NATO and through bilateral military relations is shown by Germany and Turkey. The role of the coordinator of the issues of the NATO's activity in Kyrgyzstan is assigned to the embassy of Germany in Bishkek.

On May 14, 2002, in Moscow at the anniversary session of the Collective Security Council of the CST the heads of member states made the decision to transform the Collective Security Treaty into the international regional organization later known as the Organization of the Collective Security Treaty.

On June 28, 2002 the Minister of Defense of Kyrgyzstan Esen Topoev made the first public statement that the aviation component of the CRDF (Collective Rapid Deployment Force of the OCST member countries will be deployed in the military airfield Kant located 14 km from Bishkek. The decision on deployment of the CRDF aircraft at the airfield in Kant was made because the headquarters of these forces were located in Bishkek, hereof followed the expediency of placing of the CRDF military airbase nearby.[3]

The planned structure of the CRDF aviation components (the «Edging» airbase):

The type of aviation equipment	From the Air Forces of the Russian Federation	From the Ministry of Defence of the KR
Fighter-interceptor Su-27	5	
Ground attack aircraft Su-25	7	
Military transport aircraft Il-76	2	
Military transport aircraft An-26	1	1
Training aircraft L-39	1	4
Multipurpose helicopter Mi-8		2

The air group comprised training aircrafts L-39 of the Kyrgyz Armed Forces by means of which the qualification of flying personnel structure is usually supported in places of a constant deployment. On the whole the group allows to solve a wide spectrum of combat tasks. Five fighters Su-27 can provide cover from air strikes of Bishkek, interception of the targets in air sow of Kyrgyzstan, Tajikistan and partially Afghanistan, close support of the transport aircrafts carrying out the airlift of important cargoes. Technical characteristics of the Su-27 allow them to fly over almost the whole territory of Afghanistan, a considerable part of Pakistan and even to reach northern areas of India and provinces in the North West of China. Five Ground attack aircrafts Su-25 can provide air strikes on the targets located within a radius of about 300 km from the Kant airfield. The possibility of interaction of the deployed base with the already existing Russian base in Dushanbe allows the Air Forces of Russia to cover practically all military dangerous areas of Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan and Kazakhstan. Pairs of Il-76, as well as An-26 and helicopters Mi-8 of the Kyrgyz Armed Forces are capable to provide transport service of the group, and also the carrying out of search and rescue missions. From the military point of view the selection of the airfield in Kant was not accidental as well. Its location gives the chance to strengthen the group without intermediate landings in airfields of others CIS Central Asian states.[4]

On October 23, 2003 the President of the Russian Federation and the Supreme Commander-in-Chief of the Armed Forces Vladimir Putin has opened the Russian military base in Kant. The opening of the airbase has created the important precedent in the interstate relations within the frameworks of the CIS. The base in Kant became the first Russian military asset deployed outside its national territory, since time of the collapse of the USSR.[5]

The official reaction of the American administration to opening of the Russian military base in Kyrgyzstan was rather low-profile, however this, most likely, testified to the change of the

general approach of the American administration towards Russia. In any case, the deployment of the base in Kant was straightway regarded in Washington as Russia's attempt to return its position in the system surveillance of the air space in Central Asia.

At the day of opening of the airbase in Kant, on October 23, in Bishkek was signed the bilateral agreement on the order of cooperation on export of military goods to the third countries. Russia had to co-operate with Kyrgyzstan in the military and technical field against the increasing diversification of the Bishkek's relations in this field with other countries.[6]

The military cooperation of Kyrgyzstan is also highly diversified on the whole. The republic is the only country in the world where the military objects of Russia are located in proximity to those of the USA.

On the September 24, 2001 it became known that the USA made to Kyrgyzstan the request to give air space for carrying out the operation in Afghanistan, on which after long consultations of leaders of the CIS CST member countries «received the positive answer».[7] On December 11, 2001 the upper chamber of the Kyrgyz parliament has approved the government decision to let the USA Air Forces use the «Manas» airport.[8] The decision on granting of the airport for the USA military hardware was coordinated with the Kyrgyz CST and SCO partners. It was referred to approximately 40 aircrafts and 4000 military personnel which have started to arrive to the republic from the middle of December. In the early January of 2002 the full-fledged establishment of a military American airbase in the territory of Kyrgyzstan has begun. The intergovernmental agreement including the note of the USA embassy and the answer of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Kyrgyzstan became the legal basis for the deployment of foreign troops in the republic.[9] In the early May of 2003 the management of the airbase has signed with the government of the republic the lease of an additional ground for the deployment of the equipment and techniques.

The opening of the Kant military airbase (OCST CRDP) became a symbolic event which has changed the character of the Kyrgyz-American cooperation in the military field. A unique situation has emerged in Kyrgyzstan, when the armed contingents of two mutually exclusive military and political alliances (or two countries which are, at least, geopolitical competitors) were based in the territory of one country (and even in the proximity from each other). The implementation of the American strategy demanded more guarantees, rather than the balanced policy of Askar Akayev. Poor and open Kyrgyzstan is a better match for the role of an outpost of the American interests in the region, it should be promoted by a convenient geographical position, insignificance of necessary financial investments, openness to the western influence and weakness of local authorities. Full controllability Kyrgyzstan on the part of the USA should have guaranteed the achievement of a number of geopolitical goals. The opening of an alternative facility called such guarantees into question.

In November-December of 2004 the closed-door Kyrgyz-American negotiations were held during which Americans tried to get the consent to deploy at the «Manas» airport the AWACS E-3A aircrafts, and at the same time to get the consent of the Kyrgyz party to carry out regular reconnaissance flights along the border with China. The Kyrgyz party by a narrow squeak managed then to refuse persevering offers of the USA, and in the new parliament the president was going to initiate the decision on a withdrawal of the USA base from the territory of the republic territory.[10]

The regime change in Kyrgyzstan which has occurred in March of 2005 along with the changed geopolitical situation in the region made significant allowances in the character of the Kyrgyz-American relations on these subjects.

On July 5-6 in Astana took place the summit of the Shanghai Cooperation Organization the final declaration of which raised the question of terms of deployment in the Central Asia of military bases of “the international antiterrorist coalition” - that is, as a matter of

fact, the USA and NATO: “a number of the SCO member countries has provided their ground facilities for the temporary time deployment of military contingents of the coalition participants, as well as the territory and air sows for military transit in the interests of the antiterrorist operation. Taking into account the termination of an active military phase of the antiterrorist operation in Afghanistan, the Shanghai Cooperation Organization member states consider it necessary that the corresponding participants of the antiterrorist coalition defined the deadline of temporary use of the mentioned facilities of the infrastructure and deployment of military contingents in the territories of the SCO member states»..[11]

On July 11 the Kyrgyz President Bakiev declared, that the leadership of the republic will consider the issue of expediency of the deployment in its territory of the USA military airbase, «it remains to be seen when and how the issue of terms of deployment of the American airbases in the region will be considered», - told Bakiev. And the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic has informed that the withdrawal of the American military forces from the territory of the republic may be carried out within a half of a year.[12] The position of Kyrgyzstan, thus, was seemingly outlined clearly.

However on July 25 the Minister of Defense of the USA Donald Ramsfeld arrived on a visit to Bishkek. The destiny of the USA military base was the main issue of negotiations in Bishkek. Following the results of Ramsfeld's negotiations with Bakiev and the Minister of Defense Isakov the decision was made that the USA military base can remain in Kyrgyzstan as long as the Pentagon has a necessity to carry out antiterrorist actions in the territory of Afghanistan. The head of the Pentagon promised to sharply increase the payment for the rent of the base and to grant to Kyrgyzstan the interest-free loan amounting to 200 million dollars. In Bishkek Ramsfeld expressed bewilderment concerning the declaration of the SCO member countries; «I do not even know, by what motives they were guided», - said the Minister of Defense of the USA.[13] «The

document adopted in the capital of Kazakhstan Astana should be understood, more likely as «the beginning of a dialogue», - declared following the results of Ramsfeld's visit Otunbaeva - the caretaker Minister of Foreign Affairs of Kyrgyzstan, - Kyrgyzstan, is very grateful to the USA for their support within the last years and remains in the ranks of an antiterrorist coalition... The American presence in Kyrgyzstan is favorable to both parties, 45 million dollars, arriving annually in the Kyrgyz budget, is a serious contribution for our country. It is necessary to add here 25 million dollars allocated for refueling».[14] The position of Kyrgyzstan, thus, has utterly changed.

The Kyrgyz-American dialogue on deployment of the military base at the «Manas» airport was continued during the US Secretary of State Condoleezza Rice's visit to the countries of the Central Asia.[15] In particular, the US Secretary of State received the consent of the Kyrgyz party to deploy at the «Manas» airport the major part of the infrastructure and the staff that was withdrawn from Uzbekistan. On October 11 the “Joint statement of the United States of America and the Republic of Kyrgyzstan on the presence of the USA military personnel in Central Asia” was signed. The paper underlined that «the Government of the Kyrgyz Republic recognizes the important contribution of the international antiterrorist coalition forces deployed at the airbase Gansi, to strengthening of regional stability. The Kyrgyz party will continue to take part in these and other joint efforts of the international community which struggles with modern challenges and threats to the common security. We support the presence of the coalition forces in the territory of Republic Kyrgyzstan until the end of the operation on elimination of terrorism in Afghanistan - the operation supported by the United Nations».[16] In the end of March - the beginning of April inside the administration of the president matured the decision, which resulted in the statement of president Bakiev on the 19th April. Appearing on the state TV, the president of the republic warned that Kyrgyzstan reserves the right to consider possibility of secession from the bilateral agreement on the deployment of the USA military airbase in the capital airport

«Manas» - in the event that the negotiations do not end till June 1, 2006. Bakiev has underlined, that «the settlement of issues concerning the further presence of the military and civil personnel of the Ministry of Defense of the USA in the Kyrgyz Republic» had lingered due to the fault of the American side.

On July 14, 2006 in Bishkek the negotiations on conditions of presence of the American Air Forces base in Bishkek come to the end. They culminated with the signing of the agreement which defined these conditions for the year 2007 - and that under condition of their adoption by the USA Congress. «The United States intends to transfer over 150 million dollars in the form of general aid and compensation within the year next to the approval of the USA Congress... The Decision on further use of the airbase at the «Manas» airport is subject for consideration in a context of wider, strong bilateral relations», said the joint statement. In other words, the fundamental decision on the status of the base turned out to be simply postponed, that is more likely in the interests of the American side, rather than of the official Bishkek, which aspires to provide due to the base a steady long-term source of pumping money into the budget. In a difficult situation when the USA, on the one hand, could not refuse from their unique base having key significance in the region, but on the other, could not make concessions to the frank blackmail of the Kyrgyz government, American diplomacy managed to find a suitable solution that permitted to save the dignity of a great power.

Throughout 2006-2007 the issue of presence of the American airbase in the territory of the republic has come to the fore several times. In December 2006 the parliament of Kyrgyzstan has made the decision in which it recommended to the government to consider the expediency of further presence of the American base in the territory of the republic.[17] In its resolution the parliament recommends to the cabinet to reconsider conditions of the agreement with the USA on the «Manas» airbase, as well as to demand from the American government the extradition of military man Zakari Hatfield, participant of the tragic incident. Besides, deputies have demanded

that the security agencies of the Kyrgyz Republic prepare the report on the given incident. However the resolution was not implemented.

The ambivalent approach of Kyrgyzstan to the American military presence in its territory leaves by now the USA the freedom of maneuver and possibility to concentrate on step-by-step achievement of its goals in the long term period. At the same time increases the many-sided dependence of Kyrgyzstan from the OCST and SCO.

The Shanghai Cooperation Organization advocating the unconditional observance of the principle of the state sovereignty which is quite acute for the Central Asian states could become the real guarantor of safety for Kyrgyzstan, as well as for the whole region. However the membership of Kyrgyzstan in the SCO is inertial in a greater degree. The new country leadership is incapable to pursue the mature and balanced foreign policy based on national interests. The republic became a source of regional instability where in the conditions of system crisis, criminal groupings, the extremist and fundamentalist organizations operate almost out of hand, where using the western grants the activity directed on destabilization of a situation in neighboring countries is carried out. Substantially it disturbs, in particular, the Chinese government. In its foreign policy the new leadership of Kyrgyzstan - in all critical situations, which to arose after upheaval in March of 2005 - constantly finds itself in a difficult ambivalent situation. As a matter of fact, Kyrgyzstan owing to inconsistency and unpredictability of the foreign policy of the new government becomes the most unreliable element of two fundamental systems of regional security - the SCO and the OCST, and of a regional subsystem of the international relations on the whole.

Border security

Till the summer of 1999 the border security of the republic was provided through the presence of the Group of border-security troops of the FBS of the Russian Federation. At that time for the

Republic of Kyrgyzstan it was the only possible way of protection of the Kyrgyz-Chinese border owing to the absence of financial and other material and technical capabilities, as well as owing to the absence of necessary personnel potential. Nevertheless, in the framework agreement of the 9th October of 1992 the possibility of handover of the border under the protection of forming structures of border security of the Republic of Kyrgyzstan was foreseen, the cooperation in the field of a professional training of experts for national service of border security was also provided. On the 28th July of 1999 was started the process of handover of parts of its national border under the protection of the Central administrative board of border security of the Ministry of Defense of the Republic of Kyrgyzstan, which ended on the 26th August of 1999.

According to the intergovernmental documents signed on the 17th July of 1999 in Bishkek, Operative group of the FBS of Russia remaining in the Republic of Kyrgyzstan undertook the realization of such functions, as rendering assistance to the corresponding structures of the Ministry of Defense and the Ministry of National Security of the Republic of Kyrgyzstan in protection of the national border with the People's Republic of China, provision within its power of parties' agreements on border issues, coordination of actions on national border security, studying of a status of its security, participation in the organization and support of interaction between structures of border security of the Republic of Kyrgyzstan with the states which are not members of the CIS (People's Republic of China), as well as the information exchange on the issues representing mutual interest. «The elaboration of proposals concerning national border security, rendering of assistance in the organization and realization of material and technical support, elaboration of proposals on shaping of a standard legal base in the field of national border security, as well as proposals on perfection of application of forces and means at its protection and preparation of officers and experts for the proxy bodies of the Kyrgyz Party and assistance in this» were among the duties of the OG of the FBS of Russia. The participation in the organization

and realization of joint actions for national border security should have been first of all expressed in the form of consultative activity.

Now the national border of the Republic of Kyrgyzstan is protected by 11 border-security divisions (including 2 squads of border control). About 70 frontier pickets were established. About 50 check points are operating.

The Border Service of the Republic of Kyrgyzstan has undergone four transformations: In 1999-2002 - the SBFP of the Ministry of Defense of the Republic of Kyrgyzstan and the SBFFC of the NSC of the Republic of Kyrgyzstan; in 2002-2005 there was an independent Border Service, in 2005-2006 - the Border Security Forces of the NSC of the Republic of Kyrgyzstan, since 2006 and to the present day - the independent Border Service of the RK. The absence of professional border-security personnel allows to appoint army officers - at best, and more often - from militia, customs or tax inspections etc., on supervising posts in the border-security department, unacquainted with the specificity of military and frontier services. It follows here from the status of security: it is carried out unprofessionally. On many sites of the border (with the CIS countries) the method of operational cover of borders is more often used, there is an exigency for the buildup of physical security of borders.

The Border Service of the RK intensively cooperates with the USA within the frameworks of programs «Financing of military projects abroad», «Export control and borders security», «Struggle against terrorism», participates in the NATO program «Partnership for Peace». There are also programs of cooperation with border department of the People's Republic of China, Russian government; all these programs have the nature of donor-recipient relations. The project on equipment of checkpoints is implemented under the auspices of the International Organization for Migration. Within the frameworks of the program «Border management in Central Asia» EU (TACIS Bomfer, the Austrian Republic as the supervisor) discussed the issue of opening of a branch of the Police academy for

the Central Asia on the basis of one of border-security squads and the Center of training of tracker and special dogs on the basis of nursery of tracking dog breeding of Issyk Kul border-security group.

The length of the national border of the Republic of Kyrgyzstan with the adjacent states makes 4598 km. With the People's Republic of China - 1071,8 km; with the Republic Tajikistan - 990,6 km; with the Republic Uzbekistan - 1308 km; with the Republic Kazakhstan - 1228,3 km.

The shut off of channels of smuggling through the state border of drugs, weapons, ammunition, explosives, and illegal migration - are among the pressing current problems of the border service. It causes the necessity for the relevant equipment of a number of checkpoints «Bordobo» - on the Khorog-Osh motorway, «Kyzyl-Bel» – on the Batken-Kanibadam motorway, «Ak-Zhol» - on the Bishkek-Alma-Ata motorway. The important problems are the lack of professionally trained personnel and the absence of a base to train them; the absence of the telecommunication systems, automated systems of account and control; weak material and technical support of the border service because of the underfinancing. All this affects the efficiency of reliable security of national border.

Drug trafficking and “criminal integration”

The presence of a criminal component in the modern political processes in the countries of the Central Asian Region is not a specific regional characteristic. In this context the specificity of the region consists in two basic aspects of manifestation of this factor: first - is the greatest role of a clan structure of the society and criminalization of the economic sphere on the whole, second - transitional character of the region in the process of illegal drug trafficking manufactured in Afghanistan.

The Republic of Kyrgyzstan and Tajikistan share one important characteristic: the absence of highly profitable resources promotable on markets. It results in the fact, that at initial stage clans

which have taken the major political positions choose privatization, exaction of resources from the budget, as well as the simple racket as the source of personal enrichment. All profitable objects of the economy are under the control of one or other clans, with the basic motives of all internal political life being the opportunities in redistribution of such objects. The organized criminal communities become the direct instrument of the control over the property; the direct contact between politicians and criminal top dogs was established.

At the first stage of independent existence this process manifests itself more brightly in Tajikistan: during the polarization of forces in the Tajik internal conflict and the subsequent post-war period a number of criminal top dogs were directly incorporated in political system and the government sphere. In the Republic of Kyrgyzstan this process originally has latent and less dynamic character.

Events in the neighboring Afghanistan become the determinative factor of criminalization of a political class of the Central Asian countries. By the end of the ninetieth the process of integration of the organized communities related to drug manufacturing and trafficking to the world markets, as well as with their local distribution, entered the new, even more dangerous phase. One way or another almost all organized criminal groups operating in the Central Asian region become involved in illegal operations with drugs. The process of their integration to the international system of drug trafficking with all negative consequences following from here intensified. The spheres of influence were divided, there was a criminal differentiation - one part of the organized criminal groups specialized on drug trafficking from Afghanistan, another was engaged in their delivery from Tajikistan, the third dealt drugs in the CIS states, almost in all large industrial centers of the Russian Federation. The most structurally formed organized criminal groups carried out a full cycle of drug industry from drug smuggling from Afghanistan, through Tajikistan, the Republic of Kyrgyzstan,

Uzbekistan, and Kazakhstan to the final destination - mainly the regions of the Russian Federation.

During the first years of existence of independent states the regime of border control on the Afghani border was broken because of the civil war in Tajikistan, and later - by the unilateral activity of Turkmenistan on the establishment of relations with Talibs. At the same time the process of direct involvement of representatives of the state and political structures of the Central Asian countries in illegal drug trafficking has started. The practice of service and battle activity of the Russian border-security structures in Tajikistan and the Republic of Kyrgyzstan gives a considerable number of examples of such involvement.

Speaking about official activity of the states of the Central Asia on counteraction to illegal distribution of drugs manufactured in Afghanistan, it is necessary to notice, that this activity is completely directed on counteraction to secondary factors. These are measures of the border and law-enforcement control, it is retaliatory practice, it is job of medical and preventive character. Takes place the struggle against the consequences, instead of one against reasons. The activity of the Central Asian countries on restoration of the Afghan economy is almost fruitless, though the situation on the major part of border areas (especially in northeast provinces - Kunduz, Takhor, Baglan, Bhadakhshan) allows well to implement social and economic projects. Social and economic situation in the Central Asian countries remains the major factor of participation of the population in a drug trafficking. Nowise the secondary factor of development of the «northern» route of drug trafficking from Afghanistan is also the corruption of the state and law-enforcement structures inherent to all countries of the region.

In fact, by the second half of the ninetieth, the structure of drug trafficking through the Central Asian countries takes shape on the whole. With reference to East routes of the Central Asian direction (Tajikistan and the Republic of Kyrgyzstan) it appears as follows. The organization of transit in specific regions (level of

provinces, several provinces) is carried out by regional clans which leaders are among public politicians. Directly the issues of organization of transit are solved by local OCG, related to the local officials. The representatives of law-enforcement bodies related to this structure provide transportation cover, securing against accidents. At the level of large regional centers, which are not necessary capitals of republics (Osh in the Republic of Kyrgyzstan, in Tajikistan one of such centers is Khujand) is carried out the general coordination, the issues of transit to the neighboring territory, transfer of the cargo from the Tajik suppliers to the Kyrgyz groups, and from Kyrgyz - to Kazakh, etc. are solved here. Herewith, arrested with the subsequent publicity in mass-media separate “drug mules” or small groups are, as a rule, engaged in this activity, spontaneously, not participating in structural transit. Their arrests illustrate the view of anti-drug activity of law-enforcement departments and states on the whole.

Perhaps the most tangible outcome the American military operation in Afghanistan became the boost of illegal drug manufacturing and transit in 2002-2003. First of all, it was related to the expansion of the opium poppy crops in territory of Afghanistan. During the latest period (2005-2007) the theory of direct participation of the USA military men in drug trafficking gains momentum.

Approximately by the spring of 2002 in the Republic of Kyrgyzstan, from the very beginning of the ninetieth differing by the low degree of centrality of the state authorities, takes shape the situation when drug trafficking is controlled at once by several actors: the South-Kyrgyz groups related to the leaders of the opposition of that time to the regime of A.Akaev, two (at least) competing northern OCGs, and South-Kazakhstan OCGs. In this difficult scheme there are also interests of the Tashkent criminal clans historically closely cooperating with criminal circles of Southern Kyrgyzstan. And the competitive struggle between tribal criminal structures for the domination in the control over drug trafficking became one of the major factors which have caused events on the 24th March of 2005.

It is necessary to note the intensification of cooperation of OCGs with the Islamic radical organizations as one of the newest tendencies of criminal and political process in the countries of the region, posing the greatest threat to security. In the Republic of Kyrgyzstan this tendency most distinctly relates to the activity of Islamic movement of Uzbekistan, the Uighur separatist Islamic organizations.

Integration initiatives

The multipolarity of the Republic of Kyrgyzstan is declared as the defining imperative of its foreign policy (for more details see below). The observance of this imperative caused the participation of the Republic of Kyrgyzstan in a number of integration projects.

«The Turkish project». With the disappearance of the USSR the role of Turkey as NATO's southern flank has essentially decreased, but with the occurrence of new Turkic-speaking states of the Central Asia and Transcaucasia there was a chance of restoration of former greatness and increase of the importance in international affairs. In the early nineties the traditional Pan-Turkish ideas on creation of a «Great Turan» arises again. In December of 1991 Ankara was the first to recognize the new Central Asian Turkic-speaking states, and in January of 1992 the Prime Minister of Turkey Suleiman Demirel has declared the change of the regional status of his country in view of opportunities opening to the latter to define the political future of the CIS Muslim republics. It was supposed to incur the solution of a twofold problem: to provide the necessary level of contacts of the West with these republics and to convince their leaders that Ankara is capable to conduct interests of the CIS Muslim countries in the West.

The Turkish International Development and Cooperation Agency (TIDCA) was established at the Turkish Ministry of Foreign Affairs to coordinate at the state level all kinds of the activity directed to unify Turkic peoples, and in the government there was established

the post of the Minister of Relations with Turkic-speaking CIS republics. The Turkish Directorate of Religious Affairs (TDRA), the Educational Centre of the Fethullah Gulen Religious Community, the Turan Yazgan's Turkish International Research Center, the Avrasya Bir Fund, the «Turksoi» and etc. intensified their activity in the Central Asian region. The popularization of a Turkish model of development, opposition to interests of Iran and Arabian countries in this region are on the credit side of these organizations.

Professional education of personnel of various specializations for the Central Asian republics became the major direction of Turkish activity. Ankara annually allocates several thousands of grants for education of students and teachers from the Turkic-speaking republics in higher educational institutions and Turkish research centers. In the Republic of Kyrgyzstan this mission is carried out by the Kyrgyz-Turkish University «Manas» and a wide network of lycées functioning in all regions of the republic.

However, on the whole, the policy of Turkey on establishment of the integrated Turkish political and cultural and ideological space started coming to a standstill as early as in the second half of the nineties. The leaders of Turkic-speaking republics began to distance themselves openly from Turkish attempts to unite on this basis. Possibly, the Turkish leadership realized that the political and cultural affinity, commitment of the new independent Turkic-speaking republics to Islam and Turkism were exaggerated, and the state nationalism of the Central Asian ethnos is real.

By the present time Turkey is one of the important foreign policy partners for the Republic of Kyrgyzstan, however, considerably conceding to Russia, China, Kazakhstan and Uzbekistan, the USA, Japan, the EU countries. Nevertheless, one may see certain splashes in this activity on specific issues or problems. Thus, the Turkish leadership shows specific and strong interest to the defense industry of the republic, openly offering its services and participation in the activity of the military-industrial complex. The education in Turkey of military personnel for the Republic of

Kyrgyzstan and rendering of the humanitarian and military and technical aid are traditional.

«**The Kazakhstan project**». There is no Kazakhstan project. The Post-Soviet history knows a great number of initiatives of the Kazakhstan leadership which were, as a matter of fact, PR projects. The Conference on Interaction and Confidence-building Measures in Asia, the Eurasian Union, the «Ten simple steps towards ordinary people» Program, the Turkistan Union, Mini-OPEC, the Forum of the Leaders of World and Traditional Religions, the Central Asian Economic Union, the Project of reforming of the CIS is a short list. All of them are initially conceptually insolvent, utopian. Behind the Kazakhstan initiatives there is an obvious aspiration of the American administration to out game the ambitions of Astana as a counter to the Russian plans in the region. One tries to set Astana against Moscow. In the field of energy these are the attempts to create the axis Astana-Baku-Tbilisi, all other plans of involvement of Kazakhstan in numerous anti-Russian communication projects. For the USA the implementation of these plans would mean the achievement of essential restriction of the Russian influence in the issues of extraction and transportation of energy resources. It is necessary to consider in the same context the attempts to involve Kazakhstan and other countries of the region in the system of «collective responsibility» on Afghanistan, in full compliance with the «Great Central Asia» strategy.

«**Islamist Project**». Integration projects penetrate the Soviet “iron curtain” and excite the minds of the young Muslims in Central Asia, who feel attached to the Islam world. However, a new reformist wave did not focus on the inevitable resurgence of caliphate, remaining loyal to the Hanafi school. They were only calling for restoring common Islamic identity, which dates back to the times when they felt being a part of the Islamic world.

Despite many alarmist projections, Islam has not become a basis for a stable political alliance in any of the Central Asian states. One can not speak about Islam as a national identity factor. A.

Malashenko makes a fair note of a particular feature of the Islamic opposition groups in Central Asia: “political Islam is being active because there is no single managing and coordinating center nation-wide, to say nothing about region-wide”. Importantly, any political Islamist movement should have an influential leader to enjoy success. Today there is no such leader in Central Asia. There is not even a candidate to fill the place. The main reason for that is that Islamist movements and organizations in the region are national, that is their activities are limited to a certain state[24].

The idea to create a caliphate proposed by the “Hizb ut-Tahrir” party and similar movements has not been accepted by most local Muslims. Local leaders started their own quest of legitimizing caliphate, starting by refuting ingrained local Muslim visions. Despite the “Hizb ut-Tahrir” party’s propaganda in the region, there are no grounds to state that their ideas have been accepted by the majority.[25] There is no real integration of the Muslims in the region, either. Regionalization (especially, in political terms), closed borders and other factors actually divide the Muslims, impeding their cooperation, to say nothing of unification. Incidentally, in the pre-Russian period Islam was primarily an identity, not an integration factor.

It has to be noted that, according to the majority of experts, religious views and actions of another popular caliphate organization – Uzbekistan’s Islamic movement – are not accepted by most believers in the region without any pressure from local regimes. This stance is traditional for many Central Asian theologians (theologicians) and has been elaborated for many years of umma’s existence in the relationships with non-Islamic political and cultural entities.[26] There is currently no real Muslim integration in the region. Regionalization (especially, in political terms), closed borders and other factors actually divide the Muslims, impeding their cooperation, to say nothing of unification. Islam as an identification factor is no longer applicable. The “Hizb ut-Tahrir”’s activities are

ethnically biased. The overwhelming majority of its participants are Uzbeks.

However, the idea of a “United Islamic State” (as “Union of Islamic States”) is seen by many Islamic intellectuals as the most efficient entity to confront the ideological and cultural impact of the West. Similar ideas are seen in the proclamations of the Islamic regional organizations.

Iranian initiatives. At the beginning of the 1990-s, after the collapse of the Soviet Union, Iran, having discovered vast untapped markets, became more active in the new states of Central Asia, particularly, in Tajikistan, Uzbekistan and Turkmenistan. In general, Iranian impact was limited to exports to the local markets. Tajikistan stands out, to a certain extent. Ethnical and cultural proximity between Tajiks and Iranians accounted for a higher level of relations between Iran and Tajikistan. Starting from 1992 Tajiki-Iranian relations suffered a setback, close at times to mutual alienation. This alienation was based on the popular political and ideological prejudice towards Iran that emerged in the course of the civil war in Tajikistan. The initial intentions of Iranian political elites to dominate in Tajikistan were disavowed by Russia. E. Primakov says that at the initial stage of Russian-Iranian relations on the Tajik issues, when it was clear that Iran had no chances to strengthen its positions in Tajikistan, Iran’s influence and even “physical presence” took a downhill slide. As to the overall strategy, it was concluded that Iran is trying to come out of isolation and to “take part in positive processes at the world arena”. [27] This experience pre-determined the format of Russian-Iranian interaction in Tajikistan in the future, preventing both sides from direct confrontation.

In the following period Iranian diplomacy in Central Asia focused on gradual penetration to all the spheres to get Iran out of political and economic isolation. It has to be noted that the notorious idea of «exporting Islamic revolution» is not an essential element of Iran's regional policy and will hardly be it in the foreseeable future,

being just an attempt to reintegrate the region into the historical context. [28]

Potential for regional integration. One has to concur with A. Malashenko's opinion that «the region is far from being uniform in ethnical and socio-cultural terms». [29] Diverse alliances, that are being created despite objective reasons and needs, are typical of the post-Soviet and post-socialist states. This trend stands a testimony to the fact that existing bilateral and multilateral relations are not well-adapted to the new political context, where external centers of power, such as, in this case, the USA, are taking a pro-active stand. Therefore, incompatible partners are forming unions and alliances, forced to do so by the external conditions rather than for objective economic and political reasons. Regional actors are changing their positions without due regard for their real weight and political role in the regional processes. In the long run, it results in new conflicts. [30]

In most pessimistic terms, divergent national interests might increasingly lead to a systematic exacerbation in the relations between the former Soviet Republics, who will forge stronger relations with external partners. In this case, one should forget about any integration. The unanimous decision of all national elites to unite economic and political efforts, to create common market and a regional organization with some supranational competencies (although insignificant) is just unreal and constitutes a travesty of integration. The real integration can start with cooperation on the key issues and regular dialogue, including with external actors. It might take place under the auspices of the Shanghai Cooperation Organization and EuroAsian Economic Community, although it might not be always effective.

The experience of regional integration in Central Asia shows that regional integration is one of the images of the modern political myths. It comes from a Latin word «integratio», which means restoring the entire. In case of Central Asia, this «entire» has been exclusively the Russian Empire and the Soviet Union. Never has been the population of the region united within the framework of a single

state. The Soviet authorities gave a chance to the currently existing ethnical groups to come into being and created for them the foundations of their statehood, no matter how imperfect these might be. However, the Soviet-type unity is not possible now. Many experts, especially from Western countries, point out that integration in Central Asia can be based on common history of different peoples living here for many centuries, on their culture, language, religion, traditions and kinship. However, these factors can not be a basis for their unity because they do not arise from objective needs and national interests. Moreover, new-type relations have been almost forged with due regard for the new frontiers. The revision of these frontiers might have an adverse impact on the population and give rise to the new conflicts.

There can not be a regional leader in Central Asia. There is no country which could assume this role in a way that other countries would agree with it. There are two countries, which stand out in the region in economic, political, territorial and demographic terms. These are Kazakhstan and Uzbekistan. The matter is that neither of them has a full range of the needed leadership prerequisites. However, Uzbekistan is a communication backbone in the region and accounts for more than a half of the regional population. Moreover, emerging national political elites are not ready yet to accept a single leader. If we are to speak about the necessity of regional integration, it has to be stated that this task can be accomplished by an external integrator, which Russia was from the second half of the 19-th century until the 1990-s.

Social security aspects in Kyrgyzstan: migration

During the independence period the scale of migration of the Kyrgyzstan's population was unprecedented. It can be explained by several factors: economic, demographic, political, social and others. One can also point out the misbalance between the offer and demand for the workforce, as well as poor living standards. The migration of

the Russian-speaking population to Russia is caused by the discrimination practices.

It is the economic factors that prevail. A demographic factor is of no less importance. The Republic boasts of relatively high natural population growth rates, which, together with the economic crisis, exacerbate the workforce surplus and influence the intensity of migration flows.

One of the features of external migration is the predominance of the Russian-speaking population among those who leave the Republic. Besides a complicated social and economic situation, it is driven by the lack of career prospects for the so called national minorities. The population structure of most ethnical groups (except for the Kyrgyz) has been characterized by the persistent negative balance of external migration (migration decline). Sustainable migration growth has been typical only of the Kyrgyz population. However, from 2000 onwards this group, which constitutes the majority among the so called «labour migrants»[31], started to suffer losses from migration.

Russia, Kazakhstan and Uzbekistan have been the main receivers of migrants from Kyrgyzstan all along its period of independence. They accounted respectively for 78, 8 and 2.5% of migrants from Kyrgyzstan. Among the non-CIS countries the leading recipients are Germany, Israel and USA (Germany being the absolute leader).

By 2006-2007 labour migration becomes an urgent issue for Kyrgyzstan. According to experts' estimates, in Russia there are about 1 million illegal migrants from Kyrgyzstan. The most frequent estimates among specialists and public officials are 400 000-700 000 migrants.

According to the national Bank of Kyrgyzstan, the citizens of the Republic working in the CIS countries sent more than 350 million dollars to Kyrgyzstan in 2007. However, both financial experts and government officials think that these figures are far from being exact. For instance, in 2006 the money sent by the migrant workers

surpassed 500 million dollars, which accounts for half of the country's budget.[32]

Illegal migration is mostly the problem for the recipient countries. Like in any other countries, which supply labour force, state institutions in Kyrgyzstan are indifferent to signing the agreements with the recipient states. They are content with the current state of affairs. Money transfers by the labour migrants, stimulating consumer demand, increase national economy's capitalisation. Legalizing migration process limits the leeway for corruption in the state bodies which might be part of it.

According to the data of the Kirghiz Agency for demography and migration, the major part of labour migrants from Kyrgyzstan now work in Moscow, in the regions of Moscow, Ekaterinburg, Novosibirsk and Chita, as well as in the Krasnoyarsk Region of the Russian Federation. Kaliningrad region has also been attracting migrants from Kyrgyzstan for some time now. According to the agency's experts, local authorities are actively supporting voluntary migrations of the compatriots through a federal programme. The possibility to find a job and high levels of remuneration are the main reasons why the nationals of Kyrgyzstan are going to the Russian regions or choose Russia as a place to live in. According to the official data, about 253 000 labour migrants are currently living in Russia. As of 2008, more than 100 000 Kirghiz migrants acquired Russian citizenship.[33] As a result of higher migration rates many specialists left the Republic, which needs them in various sectors of its economy. This deficit of human resources is not made up for by natural growth and becomes an important obstacle to the economic development of Kyrgyzstan. The Russian government set an annual quota of 500 000 migrants per year. It is not been exhausted because the majority of migrants are involved in illegal migration flows.

High internal migration activity of Kirghiz population boils down to several constructive and destructive factors of the current socio-economic situation in Kyrgyzstan. Market relations, private entrepreneurship, commerce as constructive factors are undoubtedly

conducive to the transfer of capital and, consequently, to the labour force migration. However, their impact on the intensity of migration flows is not that important as that of the destructive factors. A growing number of small and medium enterprises, agricultural workers and farmers, development of individual labour activities can not compensate fewer working opportunities as a result of the collapse of the socialist system and the subsequent economic crisis. The surplus of labour force, triggered by closing and reorientation of the many industrial enterprises, the liquidation of large agricultural entities, the lack of an efficient state support for the emerging and existing economic entities (and, as a result, limited opportunities for creating additional workplaces) make the population leave its places to find a new job or to change it.

The emergence of the market economy determined attractive and non-attractive zones for internal migrants. Among the first ones Bishkek and Chuiskaya Oblast can be mentioned, which is explained both by a more favourable economic and geographic location of these territories in comparison with the other parts of the Republic, as well as by the Russian population "exodus" abroad and, consequently, by the new opportunities for the newcomers. Different levels of incomes is a feature, which predetermines the flows of internal migration. Higher living standards in Chuiskaya oblast are also a psychological factor, making those people, who are likely to be employed, migrate as well as those, who will join the unemployed. All the other regions in the Republic are not attractive to the migrants and are characterized by the negative internal migration balance. Another feature of internal migration is the inflow of the rural population to the cities, which reflects the dismal state of agriculture and disproportions between the rural and urban standards of living. Another factor accounting for migration dynamism of the rural population is a traditionally higher population growth rate, which exacerbates disproportions between labour resources and the demand for them.

Large-scale internal migration results in several adverse trends, which may influence regional stability and security. One of

them is linked with the increasing marginalization of urban population. Another one boils down to the distortions in ethnical and territorial domains.

The ethnical composition of internal migrants is almost homogenous. The mobility of some ethnic groups is due to their part in the total population. The Uzbeks make an exception. Their nomadism is closely linked with agriculture as the predominant form of activity. The Uzbeks are extremely inactive in terms of migration. As a result, the ethnical structure in Southern Kyrgyzstan, where Uzbek population is growing faster than other ethnicities, is not very changeable. A certain “uzbekisation” of Southern Kyrgyzstan is taking place, which might lead to the claims of autonomy and trigger separatist movements (“Kosovo syndrome”).

Actors of influence in the internal and external politics and their impact in political practices

During the 2004-2005 election campaign which resulted in coup d’Etat on March 24, 2005, the same organizations were implementing election programs among various population groups (especially among the young voters, who later became the driving forces in coup d’Etat), such as USAID, «Freedom House», Peace Corps, US International Republican Institute, NDI, «East European Democratic Center») and «Counterpart Consortium». Such organizations as «Internews Network», «Eurasia Foundation», «CIMERA» (Switzerland), «Open Society Institute» («Soros Fund»), Institute for War and Peace Reporting (IWPR), were working with the media. Important analytical work was carried out by the US financed International Crisis Group.

US National Democratic Institute was providing financial, technical and teaching support to almost all opposition parties and organization in Kyrgyzstan. In total, the USA created in Kyrgyzstan a network of organizations uniting not only opposition forces, but the forces that could be used up to the US liking. Direct support by the

US Embassy and other US organizations came to the surface in the last months before the parliamentary elections. Appropriate public opinion and climate had been forged. There are about 5000 NGOs in the Republic (they are not always registered). They can be found in almost every village. As a rule, they are small, but they do exist to receive grants and international aid to fight for the freedom of media, to combat AIDS or to profess the foundations of children education. “It could have been impossible without this kind of support,» – E. Baisalov, one of the opposition leaders, said - «American money financed civil society centers all over the country. NDI alone has 20 centers. These human resources provided Kirghiz opposition with financial and moral support, as well as infrastructure for professing ideas among the population».[34]

Massive education assault was applied to the young population by the network structures, while President’s and governmental policies were very lenient towards it. The number of colleges, institutes, colleges, lyceums, internship programmes and training courses reached absurd levels. Without any internal back-up all the educational facilities existed thanks to the support of the above network structures accomplishing the tasks they set. Traditional social patterns were being destroyed by the educational centers and NGOs, including the world outlook basics. They also contributed to the public refusal to accept the state of affairs in the Republic (pointing out those who are responsible for it), higher hopes and demands for life, which were impossible to achieve in that Republic. The network structures (including those, created by NGOs and the media) were supposed to provide a critical mass of people, who were ready to take part in protests (under various slogans and for various reasons depending on the circumstances and regions). As regards communication, their task was to maintain a certain level of social activity, to render the situation acuter, focusing public attention on the real problems, making the situation concerning conflicts more difficult in psychological terms and providing direct communications among various radical network organizations. At the cognitive level

the activities of these organizations were supposed to make people understand that there is not way to live like that anymore or that life became unbearable. Socially, their task was to find and involve ethnical, social, regional, religious and other groups, mobilizing them to use radical methods under the circumstances of the building up chaos.

Kurmanbek Bakiev's coming to power was a serious US foreign police mistake. Due to some subjective reasons, he turned to Moscow, as well as to Beijing and Tashkent, to a larger extent than Ascar Akayev. USA needs to even the score because such changes are of geopolitical interest to the USA and concern the existence of the US military base at the "Manas" airport.[35] Western NGOs opened a new stage of working with NGOs and opposition. Currently the USA are trying to create a new and more tenable opposition in Kyrgyzstan. This tactics is multi-faceted. It can be used as a means of pressure on the incumbent authorities. It can also be used, in case of emergency, to change the regime.

As to the lobbying groups, which do not come from the USA, they are rudimentary and reveal themselves spontaneously only in certain situations, most often when lobbying economic and investment projects.

Elites and identity issues: nationalism, tribalism and regionalism

Like in all traditional societies, there is an original "two-sided" political culture in the post-Soviet states in Central Asia, when traditional forms of power co-exist with the official institutions. Change of hierarchy in one of the systems usually goes along with changing status in the other. The leaders of the traditional hierarchy, who are not represented in the official political institutions, often exert important impact on decision-making. Parallel structures often enjoy greater influence on their partisans, than state structures, influencing directly public and political development of their states.

This specific feature in the post-Soviet Central Asian states, which is present today, played a decisive role on forming the first forms of statehood in the former Union republics after the collapse of the USSR. Political power in the present-day Central Asia is the not the product of the classical European political process. It comes from the nomenklatura's ability to consolidate itself during the independence period and to keep the instruments of state management. It was the case with Kazakhstan, Uzbekistan and Turkmenistan. Both in Tajikistan and Kyrgyzstan political power is the result of compromise among the main traditional clans. During the Soviet times Central Asian Republics preserved tribal relations, which in the 90-s developed further. After the collapse of the Soviet Union a half-feudal system of social relations came to its second existence, making the tribal factor even more important. Moreover, a Tajik or Kirghiz clan is not just an influential family or group of families, it is rather a regional entity, which can be used by a politician in a political competition.

Along with transforming the traditional links of initial socialization, which lived through the Soviet era and which still existed at the turn of 1980-1990-s, a tribal and clan system is being reanimated. Kyrgyzstan once boasted of rudimentary democracy, namely military democracy. Its underlying procedure, elections, is not new to the Kirghiz either. Even after Kyrgyzstan joined the Tsarist Russia, elections did not disappear. Nor did the family representation. It was the most convenient self-organized and self-controlled hierarchy. Not only Russia, but also Great Britain tried to keep in its annexed territories such management pyramids that survived the winds of change. In the USSR the system of family hierarchy was, if not destroyed, largely deformed. After the collapse of the USSR democracy was chosen as a no-alternative way of political development. However, time distance from Kyrgyzstan's military democracy to the present-day democracy, which was supposed to be implemented, is too large. A long evolutionary process is needed, which should be realized by the society, to see tangible results.

Military democracy, composed of autonomous families and clans, saw them united and electing a chief only in case of emergency. Chief's competencies were limited by the emergency's duration (more often it was a war with an external rival). This democracy was too simple and even primitive to serve as a mechanism of government. However, its elements leading to the chaotic fragmentation of the Republic, are quite obvious in the present-day Kyrgyzstan. Creation of political parties seems absurd. As of June, 20 2006 82 political parties were registered in a country with 5 million people.[36]

In Kyrgyzstan, where most politicians are ambitious activists, defending regional, family, tribal or personal selfish interests, but not national or party interests, it was natural that these people wanted to get prestigious (hence, well-paid) jobs in public sector for themselves or their partisans, including relatives. Copied democratic institutions come in handy. These longings of a group of people, taking part in Kirghiz politics, serve as an incentive to all the movements for changing the voting system and relations between the Parliament and the Government. To make political process at least a little bit more systematic a rigorous system of government from the center is needed. Only executive power can play this role in Kyrgyzstan.

In Kyrgyzstan, like in other Central Asian states, the majority of the population has no idea what is a state, democracy and what the functions of the political institutions are. The so-called political elites, including the opposition "counter-elites", considering themselves as culture triggers seemingly overestimate their competencies. The influence of a representative of this group spreads at most on the fellows from the same area (from a certain tribe or family), controlled media, which circulation does not exceed 10000 and a pair or two of NGOs. As a result, the number of such people, who identify themselves as national politicians, far exceeds all the reasonable public needs. None of the opposition parties or organizations or other more or less organized political groups has its main attribute, i.e. a clear-cut programme in the face of the needed changes and

geopolitical realities. All these parties and other forces have the same feature, i.e. social composition: an elite group, whose interests clash with the governing elite and who is supported by marginal social elements and regional clans. In rural parts of the country where the Soviet patterns, based on the territorial principles, disappeared and new patterns are not created, tribal structure re-emerge. Sometimes it takes such a low form that they mostly resemble sub-ethnic entities, which are typologically very close to criminal structures. Many of them appeal for external support. Most of them suffer from various complexes, typical of political neophytes.

In Kyrgyzstan, like in any other Asian society, paternalism is deeply-rooted. The majority of the population believes in the state as the system of just redistribution of social benefits that paves the way for the country's prosperity and well-being. This belief is largely personified and is linked to a specific leader, but not with the quality of political and law systems.

Kyrgyzstan as a country without historical traditions of an independent state saw the events on March, 24 2005 put an end to a legitimate political process. No stable political formations make it possible for many people, pretending to be part of the political elite, to try to become national leaders.

Kyrgyzstan, like all other post-Soviet states except Russia, started building an ethnocratic state, where a titular ethnic group becomes predominant in all spheres of life. The majority of all citizens, who do not belong to this group, are excluded from political, social and cultural life, as well privatization and big businesses.

The concept of "nation" is interpreted at the lowest and most primitive level in the today's political life in Kyrgyzstan, in particular, at a biological level, when nation is considered to be a stratum united by blood. This approach is reflected in the preamble to the Constitution. Distancing themselves from other ethnic groups by blood principle, the Kirghiz start dividing themselves into "blood families", which results in tribalism and can be traced in politics, business and other spheres.

One of the consequences is that Kyrgyzstan is turning into a monoethnic country. Today the Kirghiz occupy 70% of the territory. High school education in Russian is far from being available everywhere. The number of Russian schools has plummeted. The quality of education in schools and institutions of higher education is worsening. According to the law “On Education” in its new form (2007), the state is no longer responsible for teaching citizens Russian, Uzbek and other languages spoken in the Republic. Intensive “derussification” in cultural and linguistic terms is under way, triggering external migration.

At the same time Kirghiz society lacks a clear-cut identification. Its refusal to form a civic identity, despite the ethnocratic social and political realities, has not resulted in forming an ethnical identity (ethnic nation). Therefore, tribalism trends are gaining ground in the Republic, which are the basis for clan structures and further obsolescence of the entire social and political system.

Multi-vector foreign policy and the resulting uncertainty

Kyrgyzstan’s multi-vector foreign policy reflects the intention of the ruling elite to have the necessary leeway in its relations with the world. This approach is extremely pragmatic, when each of the foreign partners gets certain preferences, but when priorities are extremely vague and none of the great powers has the decisive role. Russia has played this role “by default”, but this is the question of time, in particular, as regards changing generations of politicians and electorate. Apparently, governing circles in Kyrgyzstan understand that the country’s development and stability hinge upon an efficient integration system with Russia, bilateral relations with the USA and a combined approach to its relations with China. However, foreign policy tools should be in conformity with the actual state of relations with each of the leaders. Kyrgyzstan elite is not capable of doing so.

In the country’s decision-making process the aspect of subjectivity should be taken account of and not only at the highest

state levels. In the conditions when authorities are not centralized in the Presidential administration the position of some agencies is of great importance. It is usually determined by personal foreign policies penchants of their managers.

Short-term foreign policy vision became evident when heads of states of the Shanghai Cooperation Organization adopted a declaration on July, 5 2005 in Astana. All the foreign policy steps of the Kyrgyzstan’s elite prove its firm intention to benefit from differences among the foreign actors, without showing strategic political thinking, but short-term pragmatism. It is the days of the multi-vector policy are gone.

The main threat to Kyrgyzstan’s security and even statehood is the lack of an elaborated strategy for state development, including in terms of threats and risks. There are also internal threats, such as the lack of efficient state institutions, which is proved by an unconstitutional change of power in 2004, stable social structure, which would be adapted to the present-day realities, ethnical, tribal and social differences among the population. Problems with political and economic consistency arise from them.

At the same time Kyrgyzstan experienced for several years a special mechanism of supporting alternative elite by means of foreign aid. Easy and accessible grants attracted different people who were dismissed from their posts and who understood what Akayev’s regime is all about. In this respect, it is of interest to look at the former opposition. A year after the coup d’Etat in March the majority of its leaders are in opposition to the new regime. It proves one more time that consolidated national political forces can not exist under the conditions of the regionalized clan structure of the society and that there is no national political elite. Some part of the elite is largely oriented to the West. Therefore, as a new generation of politicians will be coming to the fore, the change may take place in a natural way. For the time being, a basis for a “new stage of strategic partnership“ between Kyrgyzstan and the USA is being created, first of all in the area of information and education.

The desire of some Kyrgyzstan's political leaders (supported by the majority of the voters) to develop closer relations with Russia is driven, first and foremost, by the increasing understanding and unofficial recognition of the fact that Kirghiz ethnocratic state is untenable. Intellectual paucity of the Kirghiz elite is obvious. It is at a loss as to what it should be doing to make Kyrgyzstan a full-fledged independent state. Therefore, it turns to the recent past, when the Republic was doing good being sponsored from the Union center. Nominations by the same Union center did not make it think about all the tribal and clan issues, which have a decisive impact on Kyrgyzstan's internal policies. The parliament has been calling for a year now for initiating the process of joining Russia as an autonomous region.

Some conclusions

1. Potential military threats and other connected threats caused by global, regional and intrastate problems and conflicts of different kinds encourage military and political integration among the Central Asian states to create an efficient multi-profile system of regional and national security.

2. Central Asia is a geographic, rather than a geopolitical entity, which is characterized by the absence of any political or economic uniformity. There are serious political, economic and other differences among the states in the region, which are exacerbated by the border, territorial and resources claims. All of these impede political and military integration.

3. The concern to fall under a political, economic and military dependency from Russia and China, no real external threat and no need to collectively secure common economic interests delays integration processes within the framework of the Collective Security Treaty Organization and the Shanghai Cooperation Organisation.

4. The USA is opposing integration to enfeeble the Collective Security Treaty Organization and the Shanghai Cooperation Organisation and to turn Central Eurasia into its zone of influence.

Under these circumstances the states of the region will be trying to develop bilateral ties with the third states hoping to strengthen its security guarantees and to ensure more intensive economic development and, in its turn, the stabilization of the internal political, social and economic situation, which is one of the main conditions for the governing elites to preserve their power. The Kirghiz example shows that it is the USA and their allies that will become the partners for these states.

Banking on external partners inevitably leads to interstate competition for investments and foreign aid, exacerbating the existing interstate claims and conflicts. It can give rise to the power, economic and other kind of pressure and destabilize the regional states internally.

Taking account of the US geopolitical intentions, it can be assumed that closer relations between them and the Central Asian states will provoke a negative reaction from their main geopolitical competitors (Russia and China) and the consequent pressure on the states, which might result in damaging the foundations of the Collective Security Treaty Organization and the Shanghai Cooperation Organisation.

Adhering to the foreign policy checks and balances system is one of the most likely trends in Kyrgyzstan in the short-term and mid-term perspective. However, due to some subjective reasons in its relations with the main foreign actors since 1991 Kyrgyzstan has been reacting spontaneously to the current events and trends. There is no elaborated foreign policy strategy or program-related system policy. The fact that the country has no strategy at the age of globalization, when a small fragile country is exposed to external threats and to the increasing geopolitical rivalry in the region, constitutes one of the major threats to the statehood.

[1] In 2007 population amounted to 5 million 248 thousand, labour population was 3 million and 29 thousand. The surface is 198,5 thousand square kilometers. Density of population is 24 people by 1 square kilometer. The ratio of urban and rural population is 38% to 62%. In accordance with the World Bank's projections the population will grow by 1,3 million by 2025. Unemployment rate was 11% in 2007.

[2] Current military budget (\$40,4 millions) does not exceed 1,5% GDP.

[3] Kabar. — Bishkek, 2002. — 28 June. Aerodrome “Kant” is less equipped than “Manas”, but in military and technical terms it has some advantages in comparison to the US base because it was built for military aircraft. During the Soviet times there was a training camp of the so called “Five flying courses, where pilots from almost 60 countries were trained and pilots from the members of Warsaw Pact got advanced qualifications. Moreover, “Kant” is a base where a large contingent can be deployed in a relatively short period of time (up to 100 000 soldiers).

[4] Pro-American and nationalist opposition press in Kyrgyzstan reacted strongly to the event: “Airbase in Kant will be undoubtedly a symbol of Russian presence in , but nothing more...So, Russia intends again to deploy its military contingent in . What will it mean to our country? Good or bad news? Time will show.”— Ким А. Кто защитит безопасность Киргизстана — США или Россия?// Моя столица. — Бишкек, 2003. — 18 April. «Jogorky Kenesh has not yet ratified the agreement, but Russians feel already at home, thinking they will stay here forever...». — Bishkek Times. — Бишкек, 2003. — 24 October. “Believing Russians, might have told the Americans to leave the country. But it can't do it because the country largely depends on the US grants... So far no one has been near the US aid. It is highly unlikely that the Russians who came to Kant will pay 7000 USD for each flight. They are unlikely to give anything to the Kirghiz. On the contrary, they have not yet forgotten their habit to command.”— Аалам. — Бишкек, 2003. — 14 October.

[5] De jure Russian airbase in Kyrgyzstan is part of the Rapid Reaction Collective Forces in Central Asia. However, the base is financed by Russia and de facto it is part of the Ekaterinburg-based Ural Air-Force and Air-Defense Army according to the official documents.

[6] Kyrgyzstan's Defence Ministry received small arms, equipment and radio communication means. Moreover, within the framework of military services repair works of Mi-8 helicopter are expected. — Шварев В. «Шквалы» из Бишкека// Независимое военное обозрение. - М., 2003. — 31 October. — С. 6.

[7] Leader of a parliamentary faction “regions” Tursunbai Bakir uulu did not agree with the decision, saying that “strikes against Afghanistan will not solve the problem of international terrorism which exceeds the limits of a single state.” In his

opinion, Republican leaders take a “short-sighted foreign policy stance” as regards the situation in Afghanistan.— АКИпресс. — Бишкек, 2001. — 2 October.

[8] “Manas” airport is equipped in accordance with the first category standards established by the International Civil Aviation Organization. Its capacity is 1700 passengers per hour, its airstrip is 4200 by 60 metres.

[9] Note of the US Embassy in the Kyrgyz Republic. Bishkek, Kyrgyz Republic, № 542/01. Note of the Foreign Ministry of the Kyrgyz republic, № 011-19/247. Full text in.: Князев А.А. Афганский кризис и безопасность Центральной Азии (XIX — начало XXI в.). — Душанбе: Дониш, 2004. — С. 395-397.

[10] Князев А.А. Государственный переворот 24 марта 2005 г. в Киргизии. Изд-е 3-е, исправл. и дополн. — Бишкек, 2007. — С. 69.

[11] ITAR-TASS. — М., 2005. — 5 July.

[12] АКИпресс. — Bishkek, 2005. — 11 July.

[13] RIA Novosti. — Bishkek, 2005. — 26 July.

[14] Quiring Manfred. Wir befinden uns zwischen zwei Fronten// Die Welt. — 2005. — Juli, 26.

[15] C.Rice's visit was an attempt to neutralize “Russian factor” which is gaining importance at the same time: extending Russian airbase in Kant and the emerging dialogue between Russia and Uzbekistan. There was question of deploying AWACS radiolocation aircraft in “Manas”. In August 2005 commander of E-3A of NATO early prevention and control paratroopers forces mayor-general Harry Wintenberg, who is in charge of NATO AWACS, admitted that the issue is of importance to NATO. Deploying AWACS in Manas may pave the way for military operations in Iran, Afghanistan and Western China. In this situation, Bakiev showed himself as a person, who is not capable of taking important political decisions.

[16] URL: <http://usinfo.state.gov>. In November 2005 negotiations between and US and Kyrgyz delegations started to revise the conditions of US military base. Major issues discussed are linked with financial aspects of the US military presence and do not take into account regional security interests.

[17] The deputies drafted the document because of the incident, which happened on December 6, 2006, when an American soldier killed a Kyrgyz.

[18] Князев А.А. К истории присутствия пограничных войск Федеральной пограничной службы Российской Федерации в Киргизской Республике// Вестник Киргизско-Российского Славянского университета. Т. 3, № 4. — Бишкек, 2003. — С. 29-44. Сумароков Л.И. История российской пограничной охраны на Тянь-Шане и Памире. — Бишкек, 2006.

[19] Князев А.А. К истории присутствия пограничных войск Федеральной пограничной службы Российской Федерации в Киргизской Республике// Вестник Киргизско-Российского Славянского университета. Т. 3, № 4. — Бишкек, 2003. — С. 29-44.

[20] Князев А.А. К истории и современному состоянию производства наркотиков в Афганистане и их распространения в Центральной Азии. — Бишкек: Изд-во КРСУ, 2003.

[21] According to Zamir Kabulov, Ambassador extraordinary and plenipotentiary to Afghanistan, Manas Airport may become a terminal for drug trafficking in Afghanistan and abroad, may be to the airbases “Manas” in Kyrgyzstan and “Injirlik” in Turkey. — URL: <http://www.wps.ru/ru/pp/military/2007/12/28.html>

[22] Князев А.А. К вопросу о криминальном компоненте современных политических процессов в странах Центральной Азии. В печати.

[23] Only some regional integration projects are considered here. On some of them see documents of the conference, which took place on 26-28 June 2007 in Khodjent, Tajikistan. (Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы/ Под ред. А.А. Князева. — Бишкек, 2007).

[24] Малашенко А. Ислам и политика в государствах Центральной Азии// Центральной Азии и Кавказ. — 1999. — № 5. — С. 64.

[25] Бабаджанов Б.М. Халифат глазами местных богословов: история и современность// Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы/ Под ред. А.А. Князева. — Бишкек, 2007. — С. 198.

[26] For more information: Бабаджанов Б.М., Муминов А.К., Олкотт М.Б. Мухаммаджан Хиндустани (1892-1989) и религиозная среда его эпохи (предварительные размышления о формировании «Советского ислама» в Средней Азии) // Восток (Oriens). — М., 2004. — №5. — С. 19-33.

[27] On E.Primakov's visit to Kabul and Teheran//Дипломатический Вестник. — М., 1993.— № 15-16. — С. 65.

[28] Iranian concept sees Central Asian states as a united cultural zone with Iran It is also considered that the unity between the Central Asian and Caucasus regions (Asiaye Markazi va Ghafghaz) is based on such common factors as similar security interest in the Caspian and the membership of these countries in OEC (Organisation for Economic Cooperation). — The Process of Development in Central Asia and the Caucasus// The Iranian Journal of International Affairs, VI (3&4).

[29] Малашенко А.В. Тупики интеграции в Центральной Азии// Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы/ Под ред. А.А. Князева. — Бишкек, 2007. — С. 16.

[30] Князев А.А. Интеграционные проекты и геополитическое соперничество в Центральной Азии// Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы/ Под ред. А.А. Князева. — Бишкек, 2007. — С. 12-13.

[31] According to the research carried out by the Public Opinion Center “El-Pikir” in spring 2006, 83% of labour migrants are ethnical Kirghiz. Among the migrants from Bishkek 40% have higher education, unfinished higher education – 2% and high education – 23%; 11% of the migrants from Chuiskaya oblast have higher education, 23% - unfinished higher education, 49% - high education and 17% - unfinished high education. Educational level among those who leave for Russia and non-CIS countries is higher than those who leave for Kazakhstan. It is due to the fact that those leaving for Kazakhstan are seeking employment in agriculture, i.e. residents from rural areas, in particular, from Southern Kirghizia. Those who leave for Russia are mostly urban citizens. The age pattern of labour migrants looks the following way:: 18-25 years— 25,5%; 26-35 years — 55,5%; 36-45 years — 15%; 46 and more— 4%. — Regnum. — 2006. — 12 May.

[32] Российская газета - Центральная Азия. — Бишкек, 2008. — 14 February, № 4588.

[33] Российская газета - Центральная Азия. — Бишкек, 2008. — 17 January, № 4564.

[34] The New York Times. — New York, 2005. — March, 30.

[35] On July, 11 two employees at the US Embassy in Kirghizia were sent out from the country. Foreign Ministry said “the decision was taken on the basis of facts, provided by the special services“ that testify to “regular interference into the state’s internal affairs in a way which is incompatible with the diplomatic status and international law norms”. »It can be regarded as an attempt to intimidate the Embassies and make the civil society silent. “The USA will be maintaining contacts with all the crusts of the Kirghiz society, including the official government representatives, opposition, NGO and communal leaders,” – such was the reaction of the American Embassy. — See Князев А.А. Государственный переворот 24 марта 2005 г.в Киргизии. Изд. 3-е, исправл. и дополн. — Бишкек, 2007. — С. 220-221.

[36] «...In Kirghiz society people have identified themselves in accordance with the family/tribal principles, but not in the party basis. Hence, a Kirghiz feature of political parties, which are formed by the relatives, members of the same tribal group or locals. Analysing the composition of political parties, headed by the leaders, stands the testimony to this phenomenon. The majority in the party “Atameken” are southerners, whereas the party “Arnamys” is mainly constituted by the northerners. In public conscience there is a clear identification of the parties by the regional origins of their leaders. Moreover, it does not depend on whether there are activists from other regions in the leading group». —Богатырев В. Место и роль политических партий в киргизском обществе// Политические партии в Киргизстане. — Бишкек: Институт общественной политики, 2006. — С. 8.

<http://www.eurasianhome.org/xml/t/expert.xml?lang=en&nic=expert&pid=1484>